

ШПИОН МАНИЯ

Сергей
ДОНСКОЙ
глаз урагана

Сергей Георгиевич Донской

Глаз урагана

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=280872*

Глаз урагана: Эксмо; Москва; 2005

ISBN 978-5-699-24873-5

Аннотация

Беззаботно отдыхающая в Египте Наташа Верещагина даже не подозревает, что вокруг нее идет невидимая, но напряженная схватка российской и американской разведок. Наташа – жена разработчика уникального климатического оружия «Сура». Захватив женщину, ЦРУ может шантажировать ученого и получить доступ к изобретению. Российские разведчики-нелегалы стараются предотвратить это. В ходе противостояния гибнет один из российских агентов, второй становится предателем, а секретные разработки оказываются у противника. Создается впечатление, что это полный провал...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	25
Глава вторая	60
Глава третья	76
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Сергей Донской

Глаз урагана

Сюжет романа основан на реальных событиях, хотя имена большинства участников и некоторые названия по вполне понятным причинам изменены. Искажены также технические детали и подробности, составляющие государственную тайну. В остальном повествование соответствует действительности.

Пролог

Задолго до главных событий

США, окрестности Нового Орлеана,

1 сентября, утро.

Пятитонный военно-морской вертолет «Черный ястреб» сбавил скорость до тридцати узлов и опустился ниже, позво-

для сидевшим на борту людям оценить масштабы бедствия. Все одиннадцать пассажиров, разместившихся в капсуле салона, оборвали разговоры и приникли к толстым пуленепробиваемым стеклам. Наиболее оживленными казались морские пехотинцы, обеспечивающие безопасность полета. Накануне они были переброшены на родину из Таиланда и теперь дивились сходству тамошнего и здешнего ландшафтов. Много пышной зелени, а еще больше – воды, мутной, грязной, раскинувшейся до самого горизонта. Пейзаж напоминал пригороды Бангкока в сезон тропических дождей, но вертолет летел не над Азией, а над Америкой. До центра затопленного Нового Орлеана оставалось каких-нибудь полчас пути.

– Ноев ковчег! – прокричал один морпех другому, кивая на сорванную с якоря нефтяную платформу, проплывающую слева по борту.

Всемирный потоп не состоялся, однако грандиозность катастрофы потрясала воображение. В алых лучах восходящего солнца пространство казалось залитым не водой, а кровью. Дамб, отделявших низину от Мексиканского залива, больше не существовало. Морские волны, хлынувшие с юга, смешались с водами реки Миссисипи и озера Пончартрейн. Суша исчезла. Новый Орлеан затонул. На его месте можно было снимать ремейк фильма «Водный мир», но жить здесь было нельзя.

Шершавый язык смерти прошелся по побережью, слизав

тонкий слой цивилизации. Никто из сидящих в вертолете особо не удивился бы, заприметив внизу доисторических ящеров. А вот людей почти не было. Многие ли могли устоять перед яростным напором разбушевавшейся стихии?

Эвакуироваться согласились почти полмиллиона жителей города, но остальные из-за беспечности проигнорировали штормовое предупреждение. Потому и было большое количество человеческих жертв. Предполагалось, что погибли от семидесяти до ста пятидесяти тысяч человек, но, по официальной статистике, их было в десятки раз меньше.

Около полутора тысяч, ясно? И не более того, зарубите это на своих любопытных носах, господа журналисты!

Полковник Лэдли прибыл в зону бедствия в том числе и для того, чтобы спущенные из Белого дома данные остались в неизменном виде. Перед вылетом он провел инструктаж сотрудников пресс-службы мэрии, переговорил с самим мэром и приставил своих людей к телевизионщикам, допущенным к месту событий. Любителям круглых цифр и больших чисел придется довольствоваться теми, которые будут предоставлены им Центральным разведывательным управлением. Полковник Лэдли вызубрил их наизусть.

Урагану «Катрина» присвоена 5-я – высшая категория опасности. Глубина разлившейся по улицам воды достигает 8 метров. Волна, накрывшая город, была 9-метровой. Приблизительный ущерб оценивается в 100 миллиардов долларов. Новый Орлеан затоплен на 80 %. Полностью разруше-

но 32 высотных здания. Около 3000 человек числятся пропавшими без вести. Спасение уцелевших на крышах домов ведется с помощью 120 вертолетов, 350 катеров и 1000 лодок. В спасательной операции задействованы 3 подразделения Национальной гвардии и 5000 полицейских. 228 копов, самовольно покинувших службу, предстанут перед судом и будут примерно наказаны за трусость. Пострадавшие от бедствия получают частичную компенсацию и льготные кредиты на общую сумму полтора миллиарда долларов. Так что все будет о'кей. Главное, не поддаваться панике и унынию.

Что касается Лэдли, то он был профессионалом и сохранял абсолютное спокойствие. Даже в самых экстремальных условиях. *Тем более в экстремальных условиях.*

Орлеан стал неузнаваем. Улицы превратились в мутные потоки ржавого цвета. Руины торчали из воды, подобно рифам. Повсюду, насколько хватало глаз, плавали сорванные двери, тряпки, обломки и раздувшиеся человеческие тела, среди которых то и дело мелькали акулы плавники и панцирные спины аллигаторов.

Чем ближе к центру, тем удушливее становился канализационный смрад, просачивающийся сквозь щели вертолетной обшивки. От него слезились глаза и перехватывало дыхание.

– Им грозит эпидемия, – прогнусавил Катальдини, судмедэксперт штата Луизиана, взятый на борт по просьбе губернатора. – Они же купаются в дерьме!

– Скорее в моче, – уточнил лейтенант Стейбл, приникший

к запотевшему окну вертолета.

Зрелище ассоциировалось с войной. Некоторые улицы, превратившиеся в каналы, были буквально забиты трупами животных и людей. Другие преграждали плотины из покореженных автомобилей. Там и сям развалины чадили, а один из чудом уцелевших супермаркетов полыхал оранжевым пламенем.

– Стой, – скомандовал Лэдли пилоту по каналу внутренней связи.

Вертолет завис над островами зданий. Внизу, на расстоянии тысячи ярдов, не обращая внимания на шум двигателя, вели ожесточенную перестрелку две банды чернокожих. Судя по обилию винтовок и автоматов, ниггеры ограбили оружейный магазин или полицейский участок. Однако ни убитых, ни раненых видно не было. Пальба велась вслепую. Не отваживаясь лезть под пули, противники предпочитали отсиживаться в укрытиях, отправляя пули наугад.

– Показать им, как надо стрелять? – спросил второй пилот, нащупывая пулеметную гашетку.

Это был «М60», способный уложить сразу обе банды. Темно-зеленое рыло вертолета покачивалось из стороны в сторону, отчего машина смахивала на приносящегося тиранозавра. Искушение было велико, но Лэдли умел перebarывать искушения.

– Не надо, – мотнул он головой. Она у Лэдли была обрита и блестела, как бильярдный шар. Подходящий стиль для

человека, который по долгу службы бывает в самых горячих точках планеты. Легкий горчичный костюм свободного покроя не скрывал армейской выправки его обладателя. Да и к чему скрывать? Люди уважают силу. Штатские пасуют перед военными. Даже вооруженные до зубов ниггеры.

Проследив за их беспорядочными перемещениями среди развалин, Лэдли пренебрежительно скривился, поискал взглядом другой объект для наблюдения и махнул рукой.

– Держи курс на юго-восток, пилот. Видишь человека, размахивающего простыней? Снимем его с крыши. Будет полезно послушать рассказ очевидца из первых уст.

Сопровождающие Лэдли офицеры переглянулись, но возражать не посмели. ЦРУ не та контора, которая допускает нарушение субординации. Если шефу вздумалось пообщаться с грязным, вонючим парнем, призывающим на помощь, то быть посему. Не прошло и десяти минут, как спасенный уже сидел в салоне, хлебал спрайт, распространял кислый запах пота и болтал, болтал без умолку:

– Срань господня! Я себе просто представить не мог ничего подобного! Когда власти велели эвакуироваться, мы на них ржавый болт забили. Подобные вещи по пять раз в году происходят. Мизеры и лузеры из пригородов давно к ураганам привыкли. У них же хибары из картона и пластмассовых ящиков. Сегодня сдуло, завтра построились заново.

– А у вас, насколько я успел заметить, солидный каменный дом, – вставил Лэдли, выражая всем своим видом участие,

которого он не испытывал.

– Дом? – горько воскликнул спасенный, назвавшийся Крисом. – Был дом, а теперь клоака, заполненная жидким дерьмом. Канализацию прорвало, телефонной связи нет, электричества нет, продукты в холодильнике протухли, повсюду шастают зубастые крысы. – Крис затравленно оглянулся. – Подумать только, на месте моего газона теперь настоящая трясина! Мы едва не утонули, когда перебирались к соседям. – Опережая вопросы слушателей, Крис пояснил: – Жена, двое дочерей и я. У Джексонсов, куда я их доставил, автономный генератор. Есть пара винчестеров и старый добрый шестизарядный «вессон». Там можно продержаться несколько дней.

– Почему же вы не остались с ними? – поинтересовался Лэдди, привыкший подозревать в неискренности всех и каждого.

Ему не нравился Крис. С пестрой банданой поверх шевелюры, в мятых бермудах и растянутой майке с надписью «US FOR US», он словно явился прямиком с антивоенного марша или митинга в поддержку демократических свобод. Им всегда не хватает свобод, таким, как Крис. Дай им волю, и они превратят страну в свинарник, где каждый волен гадить где попало, валяться в грязи и хрюкать о том, как это прекрасно.

– Я? – изумился Крис, хлопая глазами.

Дурацкая манера задавать лишние вопросы. Трусливым

говнюкам, вытащенным из дерьма, полагается отвечать, а не спрашивать. Лэдли смерил взглядом Криса, погладил себя по затылку и подтвердил:

– Вы, вы.

– Почему я не остался с ними?

– Угу, – кивнул Лэдли. – Вопрос был сформулирован именно так.

Крис засопел, меняя позу. Собравшиеся в вертолетном салоне внимательно смотрели на него. Отмалчиваться долее стало невозможно.

– Вещи, – пояснил Крис, запуская руку под влажную майку, чтобы поскрести пальцами грудь. – Не хотелось оставлять имущество без присмотра. Черные... Или я должен называть их афроамериканцами?

– Как вам будет угодно, – пожал плечами Лэдли. – Пусть будут афроамериканцы. Цвет кожи у них от этого не меняется, верно, парни?

Команда откликнулась приглушенными смешками. Не отреагировал только один мулат из морской пехоты. Притворился, что происходящее снаружи интересует его больше, чем происходящее внутри вертолета.

– В общем, – продолжал Крис, опасливо покосившись на мулата, – эти типы... они плавают по улицам на самодельных плотках или в надувных бассейнах. Вламываются в дома втроем-вчетвером, грабят, насилуют, убивают. Если вовремя не отогнать их выстрелами, то конец. Белых девушек

просто затрахивают насмерть. Иисус, как же они визжат! – Крис принялся энергично почесывать ляжки. – Здесь ад, суший ад, – трагически провозгласил он. – Вот почему я все-таки бросил дом на произвол судьбы. Жизнь дороже шмоток, верно? Я пробыл Робинзоном сорок восемь часов и с меня хватит. Когда еще повезет с вертолетом?

– Разумное решение, – кивнул Лэдли. – Но надо было прихватить семью. – Он произнес это так серьезно, словно действительно согласился бы тратить время на возню с домоладцами Криса. – Взрослые женщины, возможно, и не имеют ничего против группового секса, но маленькие девочки... Как зовут ваших дочерей? Сколько им лет?

– Элис и Джоан, – машинально ответил Крис, после чего вскочил. – Вы издеваетесь, офицер? – На фоне механического гула его голос звучал слишком пронзительно, слишком тонко, чтобы вызывать уважение. – Это подло! – выкрикнул он.

– Подло бросать в беде ближних, – невозмутимо заметил Лэдли, вытягивая ноги, насколько позволяла ширина прохода между сиденьями. – Но это личное дело каждого. У нас свободная страна. – Он сделал жест, каким желают успокоить человека. – Сядьте, прошу вас. Во время полета нельзя стоять.

– Но...

Не договорив, Крис резко опустился на пол. Это сержант Броуди пнул его ботинком под колено, вызвав рефлекторное

сокращение сухожилий.

– Во время полета нельзя стоять, – продублировал он инструкцию шефа.

– Я буду жаловаться, – нервно предупредил Крис. – Я сообщу о вашем поведении массмедиа.

– Ваше право, – сказал Лэдли. – Если хотите, устроим вам небольшое интервью сразу после посадки. Телевизионщики с удовольствием покажут вашу физиономию на всю страну. И фотографии ваших девочек.

– Элис и Джоан, – произнес лейтенант Стейбл. – Бедные малышки. Интересно, они уже зовут папочку на помощь?

Крис обхватил косматую голову руками и принялся раскачиваться из стороны в сторону. У него началась истерика.

Рыдая и захлебываясь слезами, он бормотал что-то про «Войну миров», про забитые дороги и затопленные аэродромы, оправдывался, каялся, проклинал ниггеров, копов и москитов, поминал всех святых и призывал в свидетели сатану. Некоторое время Лэдли прислушивался к этому бреду, а потом отвернулся, потеряв к говорившему интерес.

Крис так и не попросил вернуть его обратно, чтобы остаться с близкими. Обычный эгоизм обычного человека. Тоска зеленая (в американском варианте она, тоска, голубая). Скука. Лэдли же прибыл в Новый Орлеан для решения экстраординарных вопросов. Его работа была чем угодно, только не рутиной.

США, Новый Орлеан,

крытый стадион «Супердоум»,

1 сентября, день

Ближе к полудню Крис забылся, затерялся среди многотысячных толп на стадионе «Супердоум», канул в небытие, как будто его никогда не было. Впрочем, человеческое стадо жило теми же примитивными инстинктами самосохранения, что и этот трусливый бастард. Люди дрались за еду, за воду, отвоевывали себе лучшие места, топтали слабых, пресмыкались перед сильными.

Наблюдающий за ними через треснувшее стекло Лэдли восседал в затененной ВИП-ложе. Стояла невыносимая жара. Ледяной чай лишь ненадолго утолял жажду, зато вызывал обильное потоотделение. Под рукавами мужских сорочек темнели влажные полукружья, немногочисленные женщины, допущенные на командный пункт, обмахивались газетами и беспрестанно брызгались дезодорантами. Губернатор Луизианы кричал в мобильный телефон, что врачам катастрофически не хватает медикаментов и станций для пере-

ливания крови. Начальник полиции требовал подкрепления, чтобы перекрыть входы на стадион, уже не способный вместить всех, оставшихся без крова. Менеджеры спортивной арены остервенело торговались с агентами страховых компаний, согласовывая суммы убытков. Рабочие сволакивали в кучу обвалившиеся секции крыши. Ночью ветер обрушил их на спящих людей, и многие секции, упав на тела, не раскололись. Те, кто находился под плитами, разумеется, погибли.

Лэдли встал, заправил рубаху под брючный ремень и отправился на прогулку по трибунам, уже вторую за сегодняшний день. Его уши уподобились локаторам, а глаза словно обрели рентгеновскую способность проникать взглядом насквозь. Он смотрел. Он слушал. Ни одна мелочь не ускользала от его внимания.

Держась на приличном расстоянии, за ним следовали два сотрудника в штатском. Всякий раз, когда Лэдли останавливался, замирали и они, поводя по сторонам выпуклыми каплевидными солнцезащитными очками. Как только он возобновлял движение, сотрудники делали то же самое. Все трое образовывали собой нечто вроде равностороннего треугольника, неспешно огибающего стадион по периметру. Они были объединены мобильной связью и представляли собой единое целое.

До них никому не было дела.

Пространство внизу было заполнено гудящей, шевелящейся человеческой массой. Две трети беженцев были чер-

нокожими. Белые предпочитали группироваться на трибунах, устроившись в неудобных пластиковых креслах. Почему-то детей было очень мало. Казалось, большая часть уцелевшего населения Нового Орлеана состоит из старых толстых негритянок в памперсах и таких же толстых белых мужчин, постоянно ссорящихся друг с другом. Когда они не препирались, они спали, ели или испражнялись. Очереди к двум кабинкам биотуалетов не наблюдалось. Уподобляясь животным, люди справляли нужду где придется. Встречались и с тупым видом сношающиеся пары. Учитывая количество разбросанных повсюду одноразовых шприцов, пивных банок и бутылок из-под спиртного, сексу на людях не приходилось удивляться.

Лэдли не удивлялся. Не содрогался, не ужасался, не возмущался и не сопереживал. Его цепкий взгляд уловил картину, выпадающую из общего пестрого фона. Двое полицейских в грязных форменных рубашках внимательно слушали полуголого пожилого мужчину, яростно размахивающего руками. Он что-то выкрикивал, но слов издалека слышно не было. Между тем мужчина вещал нечто любопытное. Головы беженцев, находящихся рядом, постепенно поворачивались к нему.

Спустившись ниже, Лэдли распорядился в мобильный телефон:

– Копа ко мне. Любого.

Лейтенант Стейбл приблизился к полисменам, продемон-

стрировал гербовый жетон, а потом указал пальцем вверх. Не прошло и минуты, как перед Лэдли возник тяжело отдувающийся сержант в фуражке с треснувшим козырьком. Нагрудная бирка свидетельствовала, что его зовут Джоном Уальдом.

– Что там происходит, Джонни? – спросил Лэдли, избрав тон не начальственный а скорее отеческий.

– Странный парень, – ответил полисмен, оглядываясь на жестикулирующего оратора.

– Кто здесь не странный, Джонни?

– Но он болтает такое...

– Что именно?

– Будто бы «Катрину» вызвали с помощью секретного оружия. Каких-то сверхмощных электромагнитных генераторов.

– Он ученый? – Лэдли опустил на горячее сиденье, кивком предложив последовать его примеру.

– Не знаю, – пожал плечами полисмен, присаживаясь рядом. – Представился метеорологом Шоном Стивенсом. Утверждает, что участвовал в экспериментах по модификации погоды. Не знаю, что он там творил с погодой, а сам на этой почве сдвинулся, точно. – Полисмен неуверенно улыбнулся. – Услышал треск моей рации и заявил, что помехи вызваны остаточным воздействием климатического оружия.

– Происки япошек, Джонни? – подмигнул Лэдли. – Решили поквитаться с нами за Хиросиму? Или это русские хотят

устроить нам сибирские морозы? Ха-ха!..

Ответ сопровождался кривой усмешкой, но голос Джона Уайльда звучал вполне серьезно, если не сказать обеспокоенно:

– Нет, сэр. Стивенс считает, что ураган сотворили американцы. У него тараканы в голове, верно? – По лицу полисмена было заметно, что он хочет услышать подтверждение своим словам. – Псих, да?

– Законченный параноик, – согласился Лэдли, вставая. – Опасно оставлять его среди людей. Подобные речи могут вызвать панику на стадионе. Начнется давка, возникнут новые человеческие жертвы... Вот что, Джонни... – Лэдли нахмурился. – Скажи-ка ты этому психопату, что в интересах национальной безопасности ему необходимо побеседовать с высокопоставленным сотрудником ЦРУ. Конфиденциально. Пусть его проводят в, м-м... – Лэдли изобразил задумчивость. – В пресс-офис номер два. – Он выставил вверх указательный палец. – Туда, Джонни. И обязательно шепните, что ЦРУ проводит расследование истинных причин катастрофы, о'кей?

– Есть, сэр!

Проводив оживившегося полисмена взглядом, Лэдли тихо произнес в микрофон одно-единственное слово:

– Блок.

– Есть блок, – прошелестел голос в наушнике.

Сократив дистанцию до пятидесяти ярдов, трое мужчин

начали подъем к пустующему пресс-офису.

* * *

Прежде чем Шон Стивенс обратил внимание на человеческие ноги, торчащие из-под ребристого металлического щита, он успел поведать о себе многое. Работал на Аляске, в трехстах милях от Анкориджа, где находилась тщательно охраняемая военная база Гакхон. Принимал участие в техническом обеспечении программы активного исследования авроральной области «Северное сияние», занимался усовершенствованием опытного стенда, а затем и запуском промышленной установки. В Новый Орлеан приехал для оформления развода с женой. Напрасные хлопоты. Миссис Стивенс погибла в автомобиле, смытом потоком в озеро. С ней находились четырнадцатилетний сын и старый бассет Кэнди.

Трагедия привела инженера в шоковое состояние. Наплевав на принципы Общества анонимных алкоголиков, он схватил в разграбленном магазине упаковку дешевого калифорнийского вина и к настоящему моменту опустошил половину бутылок. Тянуть его за язык не приходилось. Он был готов болтать без умолку.

Лэдли не перебивал Стивенса. Аккуратно записал в блокнот название установки: «High Frequency Active Auroral Research Program». Затем принялся выводить заглавные бук-

вы аббревиатуры «НААРР». Когда Стивенс заносило не туда и он пускался в воспоминания о погибшей семье, Лэдли осаживал его наводящими вопросами. Неужели существуют реальные возможности вызывать возмущения в ионосфере и магнитосфере Земли? Какой смысл создавать искусственные северные сияния? Не является ли все вышесказанное научной фантастикой?

– Послушайте, – занервничал Стивенс. – Я отдал этой проблеме десять лет своей жизни, а Соединенные Штаты потратили на нее около ста миллиардов долларов. И это вы называете фантастикой?

– Да, десять лет – это много, – согласился Лэдли, не переставая черкать в блокноте. – И сто миллиардов – цифра внушительная. Но я до сих пор не понял, при чем тут ураган «Катрина».

– Установка «Харп», как мы ее называем, способна фиксировать запуски баллистических ракет, поддерживать связь с субмаринами, выводить из строя спутники и обнаруживать секретные подземные бункеры. Но главное ее назначение – воздействуя на атмосферу, вызывать ливни, землетрясения, наводнения и ураганы. – Стивенс понизил голос. – Помните смерчи, пронесшиеся по Европе, где ничего подобного отродясь не бывало. Помните засухи, цунами и прочие катастрофы. Представьте себе проливные дожди, уничтожающие плантации коки в Южной Америке. Впечатляет, а? Зачем бомбить территорию врага, если можно просто наслать

туда ураган или потоп?

– Резонно, – произнес Лэдли. – Однако Луизиана не вражеская территория, верно?

– Эксперимент вышел из-под контроля, – жарко зашептал Стивенс, поминутно озираясь. – «Катрина» повернула не туда, куда намечалось. Потом ее пытались остановить. По спутниковым снимкам легко проследить, как ураган несколько раз менял направление движения, то ослабевая, то наливаясь прежней мощью. У него была необычная траектория. Как будто его двигала чья-то воля...

– Вот оно что, – протянул Лэдли.

Он мастерски соорудил обеспокоенную мину. Она не ввела бы в заблуждение ближайших сотрудников Лэдли, но Шон Стивенс видел его впервые и принял лицедейство за чистую монету.

– Их нужно остановить, – решительно заявил он.

– Мы их остановим, не сомневайтесь.

– Это нужно сделать немедленно!

– Я поддерживаю постоянную связь с помощником президента. – Лэдли многозначительно постучал по наушнику. – Мы упрячем этих сукиных сынов за решетку на длительные сроки, так что они больше никогда не возьмутся за старое. Или вообще поочередно посадим на электрический стул. Мерзавцы! На их совести полторы тысячи трупов!

– Полторы тысячи! – горько воскликнул Стивенс. – Откройте глаза, офицер! Да здесь настоящая бойня!

– Бойня, – согласился Лэдли. – И кое-кому предстоит ответить за это.

– Если потребуются мои письменные показа...

Стивенс осекся, вытаращив глаза до такой степени, что они почти вылезли из орбит.

– Что это? – спросил он.

Лэдли посмотрел в захламленный угол помещения.

– Обломки крыши и перекрытий, – сказал он. – Небольшой обвал.

– Но из кучи торчат ноги! – завопил Стивенс. – Человеческие ноги, будь я проклят!

– И в самом деле. – Приглядевшись, Лэдли цокнул языком. – Кому-то не повезло.

– Не повезло? Он мертв!

Стивенс вытянул шею, не в силах оторвать замороженный взгляд от пары потертых подошв. К левому каблуку прилипла расплюснутая жвачка. Почему-то этот пустяк говорил о неотвратимости смерти куда красноречивее, чем бесчисленные тела погибших, увиденные Стивенсом до сих пор. Неизвестный пришел сюда с приклеившейся к туфле резинкой, расположился там, где ему было суждено погибнуть, и, возможно, поздравил себя со счастливым спасением. Потом он уснул, так и не узнав, что очнуться ему не суждено. От него ничего не зависело. Его предназначение состояло в том, чтобы дожить до определенного возраста, явиться в определенное место и остаться там навсегда, даже не содрав жеватель-

ную резинку с каблука.

– Мертв, – повторил благоговейным шепотом Стивенс.

– Пожалуй, – подтвердил Лэдли. – Бедняга мертвей мертвого. Весь город завален трупами. И поскольку они появились в результате преступного умысла, то Америка должна покарать виновных. Не сомневаюсь, что вы, как патриот, окажете всяческое содействие возглавляемой мною комиссии.

– А! – восхитился Стивенс. – Так вы здесь не случайно?..

– Тс-с, – приложил палец к губам Лэдли. – Об этом, как и о причитающемся вам вознаграждении, поговорим позже. А пока один вопрос.

– Слушаю, офицер.

– Каким образом можно остановить ураган?

– Принцип прост, как и при борьбе с грозowymi облаками. Специальные реагенты, распыляемые из самолетов. – Стивенс широко взмахнул руками. – Воздействуя на фронт тайфуна, можно заставить его отклоняться и даже ходить по кругу.

– Покажите на карте, будьте любезны.

– Карта?

– Условная и весьма примитивная, – улыбнулся Лэдли, кивая на стену за спиной собеседника.

Обернувшись, тот увидел контуры Североамериканского континента, нарисованные маркером прямо на штукатурке. В центре красовалось неопрятного вида бурое пятно. При-

близившись, Стивенс наклонился вперед, чтобы рассмотреть отметину получше.

Он услышал хруст бетонного крошева за своей спиной, но не успел обернуться. Схватив Стивенса за уши, Лэдли трижды впечатал его лбом в стену, после чего осторожно уложил на пол, пощупал пульс на шее и сказал в микрофон:

– Блокировка поставлена.

– Вам не следовало заниматься этим лично, сэр, – прошестел голос в наушнике.

– Небольшая разминка никому не повредит. Оформляйте второй несчастный случай. – Лэдли усмехнулся. – Как выявил осмотр, кровлей привалило двоих, а не одного.

– Да, сэр, – откликнулось радиоэхо.

– Полисмена Уайльда и его напарников направить на уборку трупов с улиц. Им необходимы яркие, очень яркие впечатления. Такие, после которых не остается ненужных воспоминаний.

– Да, сэр.

– Я буду на наблюдательном пункте, – предупредил Лэдли. – Конец связи.

Переступив через безжизненно раскинутые ноги Стивенса, Лэдли покинул помещение и быстро зашагал к ВИП-ложе. Все, чего ему хотелось сейчас, так это ледяного чая. Жара становилась невыносимой.

Глава первая

Египет, Каир, район Сейид Зейнаб,

ресторан «Аль-Мушараби»,

24 мая, ночь

Ее звали Наташей, и это было забавно. Ахмед, как и большинство его земляков, называл наташами всех русских женщин. Почему нет, если они приезжают в Египет за одним и тем же. Всем без исключения нужны сказки тысячи и одной ночи. *Сказки в постели.*

Недаром говорится, что путь к сердцу женщины лежит через ее уши. Секс для русских туристок – важная, но не главная часть развлекательной программы. Им непременно нужно услышать, что они самые красивые, самые обольстительные, самые желанные. Ахмед с готовностью нашептывал им эти слова и многие другие. Его уста источали мед, его речь лилась неспешно и плавно, словно патока, словно величавый Нил.

В настоящий момент Ахмед обстоятельно отвечал на вопрос Наташи, которой непременно нужно было знать, женат ли он, и если нет, то почему. Его ломаная русская речь звучала на фоне тягучей восточной музыки, как песнь песней, как соловьиные рулады. Начав с туманных намеков на несуществующий родовой замок у самого Красного моря, он пожаловался на свое большое, горячее сердце, изнывающее от неразделенной любви, и горестно признался:

– Я одинок, потому что до сих пор не встретил девушку своей мечты, Наташа. Когда это произойдет, я осыплю избранницу алмазами, чтобы блистала ярче звездного неба. Возведу для нее пирамиды из золота, подарю ей семь новых чудес света. Вот как я поступлю, да будет Аллах свидетель моим словам.

К его счастью, Аллах, занятый какими-то своими неотложными небесными делами, клятву пропустил мимо ушей. Ахмед, мягко говоря, лукавил. Египтянину не так-то просто вступить в брак с соотечественницей. Необходимо не только быть состоятельным человеком, способным содержать семью, но и отличаться добропорядочностью. Обычно местные мужчины женились лет в сорок, когда обзаводились некоторым капиталом и положением в обществе. Другое дело шашни с курортницами. Если они настаивали на узаконивании отношений, египтяне сочетались с ними так называемым браком ОРФИ. Свидетельства, отпечатанные на ксероксе, без печати, успокаивали наивных русских женщин и по-

лицию нравов. Подобные бумажки продавались на каждом углу и позволяли парам сожительствовать, но никакой юридической силы не имели. Ахмед не раз пользовался липовыми свидетельствами о браке, чтобы заманить женщин в постель, и готов был сделать предложение Наташе.

Впрочем, переспать с ней шансов не было. Даже если она примет приглашение посетить холостяцкое жилище Ахмеда. При мысли об этом ему пришлось хорошенько откашляться, чтобы освободить гортань от набежавшей слюны. Очень уж хотелось добраться до пышного тела Наташи. Чувства, которые испытывал к ней Ахмед, были плотоядными. Порой он ловил себя на желании впиться в нее зубами, как в сочный шиш-кебаб или истекающую жиром нифу из свежей баранины. Проглотив очередную порцию слюны, он снова кашлянул.

– Ты болен? – поинтересовалась Наташа, оторвавшись от очередного мясного блюда.

– Я совершенно здоров! – пылко возразил Ахмед, заподозрив, что подразумевается какая-нибудь нехорошая болезнь, препятствующая сближению.

– Но ты кашляешь.

– А... Ерунда. Мало простудил горло.

– Немного, – подсказала Наташа. – А более правильно получится, если ты скажешь: «Слегка застудил горло».

– Слегка, – повторил Ахмед.

– В такую жару?

– Я плавал глубоко. – Он показал руками, как это происходило. – Нырял. Вода внизу холодная.

– Занимаешься дайвингом?

Ахмед проследил за волнообразными движениями живота танцовщицы на сцене и хрипло подтвердил:

– Да, дайвинг. Я люблю спорт. Всякий.

– Завидный кавалер, – констатировала Наташа. – Богатый, красивый, молодой. У такого небось отбоя от невест нет.

– Невест много, – подтвердил он, пережевывая пряную кюфту, сдобренную лимонным соком. – Но душа к ним не ложится.

– Не лежит, – поправила Наташа, продолжая улыбаться.

Помада на ее губах размазалась, подбородок блестел от жира. Внезапно Ахмеду захотелось повалить ее прямо на ресторанный стол и яростно овладеть ею, игнорируя протестующие вопли и телодвижения. Нет, не игнорируя. *Наслаждаясь ими.*

– Не лежит, – согласился он, мысленно обозвав Наташу капризной сукой.

Интересно, кто ее муж? Чем он сейчас занимается? Догадывается ли, что его жена ужинает в ресторане с мужчиной, который познакомился с ней возле гостиничного бассейна? Кем бы ни был Наташин муж, решил про себя Ахмед, он полный идиот. Отпускать женщин с такими формами в жаркие страны могут только недоумки. Неужели не ясно, чем они здесь занимаются?

– Зато моя душа лежит к тебе, Наташа, – произнес Ахмед, краем глаза наблюдая за происходящим на сцене.

Танцевали в «Аль-Мушараби» не хуже, чем готовили, а готовили так, что по вечерам сюда съезжались ценители кулинарии со всех концов Каира. Бывали здесь даже звезды египетского кино, политики и шейхи. Внешняя затрапезность заведения совершенно не соответствовала высочайшему уровню кухни.

– Главное, – многозначительно молвила Наташа, – чтобы все остальное *не лежало*.

Ахмед достаточно хорошо знал русский язык, чтобы понять более чем прозрачный намек. По его ребрам заструился горячий пот. Он был опытейшим соблазнителем, профессионалом своего дела, но никак не мог привыкнуть к тому, что заморские красотки столь откровенно вешаются на шею первым встречным арабам. В постели они утверждали, что виной тому врожденная тяга к романтике, однако вели себя как последние шлюхи. Секса они искали в Египте, а не романтики. Грубого животного секса, от которого размякали, плавилась, точно воск, и сжигали килограммы лишнего веса. Ни одна из них не предлагала Ахмеду встать с кровати, чтобы полюбоваться луной и звездами. Зато почти каждая страстно шептала: *еще... еще... еще...*

Какая досада, что сегодня Ахмед этого не услышит!

– У тебя, как я погляжу, не только горло болит, – заметила Наташа, беря принесенную официантом чашку кофе.

– Что? – встрепнулся Ахмед.

– Ты скрипишь зубами.

– Тебе показалось.

– Что ж, в таких случаях у нас говорят: креститься надо.

Наташа засмеялась. Ахмед заворуженно уставился на золотой крестик между ее трясущимися грудями. Попробовать бы их на ошупь, такие близкие, лоснящиеся от испарины. Но нынешняя ночь не для забав. Большие люди предложили большие деньги не за эротическое шоу. Ахмеду поручили лишь уговорить Наташу отправиться к нему в гости. Именно поэтому он привез ее в ресторан на окраине. Чтобы обратный маршрут пролегал по безлюдным местам.

– Смеешься, – горестно изрек Ахмед. – А ведь у меня серьезные намерения.

– Естественно, – насмешливо согласилась Наташа. – Ты намереваешься уложить меня в постель, и для тебя это очень серьезно. Настолько серьезно, что ты готов сменить веру?

– Вера тут ни при чем.

– Но я христианка, а ты магометанин. Как насчет шариата?

– Шариат тоже ни при чем, – заявил Ахмед.

Наташа прищурилась:

– Тебя не пугает, что я неверная?

– Меня ничто не пугает!

Наташа звонко расхохоталась, привлекая к себе внимание посетителей. Взоры мужчин были маслянистыми. Женщины

смотрели недобро, будто булавками кололи. Наташины глаза, подкрашенные на восточный манер, встречали направленные на нее взгляды с вызовом. Она что, не имеет права смеяться, когда ей весело? Кто-нибудь против? Кому-то не нравится, что она коротает вечер с молодым мужчиной? Плевать! Наташа будет вести себя так, как ей хочется, и никто не вправе запрещать ей радоваться жизни!

– Тогда, может, поведешь меня под венец? – спросила она Ахмеда.

Ему пришло в голову, что напрасно он демонстрирует отличное знание русского языка. Общась с туристками из России, лучше притворяться несведущим. Меньше слов, больше дела, как говорят русские.

Отряхнув и без того чистые брюки, Ахмед пробормотал:
– Я просто хотел пригласить тебя в гости...

Наташа сделала большие глаза:

– *Хотел?*

– Хочу, – поправился Ахмед.

Приведя в порядок брюки, он принялся натирать о скатерть фамильный перстень с арабской вязью. Его голова была наклонена несколько ниже, чем требовалось для такого немудреного занятия.

– Так за чем же остановка? – удивилась Наташа после продолжительной паузы.

Из-за громкой музыки и шума в ушах ее голос доносился словно издалека. Ахмед подумал, что, закончив миссию, он

будет вынужден воспользоваться услугами какой-нибудь дешевой шлюхи. Необходимо выпустить пар, не то кровеносные сосуды полопаются от напряжения.

– Ты... – Ахмед поперхнулся комком, набухшим в горле. – Ты согласна?

– Но должен же быть какой-то повод! – воскликнула Наташа.

– Повод?

– Конечно. Как женщина замужняя и во всех отношениях порядочная, я не могу ехать в гости к малознакомому мужчине без веских на то оснований. Придумай что-нибудь.

Не найдясь с ответом, Ахмед подышал на перстень и поводил им по штанине.

Наблюдающая за ним Наташа едва заметно усмехнулась:

– Может, ты хочешь показать мне коллекцию ракушек и кораллов? Тропических рыб в аквариумах? Чучела акул и крокодилов?

– Ракушек? – растерялся Ахмед. – Рыб? Крокодилов?

– Но ты ведь не просто местный жиголо, – напомнила Наташа, – но и дайвер по совместительству. Или я ошибаюсь? Ты обманул бедную доверчивую девушку?

– Я... – Голос Ахмеда стал натужным, как будто он не в ресторане находился, а таскал тюки с хлопком. – Я не жиголо и я никогда никого не обманывал.

– В таком случае ты еще более отпетый лжец, чем я думала!

– Но...

Наташа не захотела слушать возражения. Завершила мысль, отставляя кофейную чашку:

– Следовательно, придумать повод тебе будет проще простого. Итак? С какой целью ты приглашаешь меня к себе домой?

Ахмед покачал головой, выказывая то ли неодобрение, то ли восхищение по поводу столь энергичного напора.

– Я живу рядом с Цитаделью, – симпровизировал он. – Это – главная достопримечательность Каира.

– Я была там, – небрежно обронила Наташа. – Жарко, пыльно и воняет дохлыми крысами. Я выложила за экскурсию пятьдесят баксов, а мне показали какую-то корявую мечеть во дворе и предложили поверить, что она построена из обломков пирамид. Надеюсь, предложенная тобой программа будет поувлекательнее.

– Из моей квартиры открывается вид на Нил, – торжественно провозгласил Ахмед. – Он так прекрасен ночью, когда в древних водах отражаются огни «Хилтона».

– Принимается, – сказала Наташа, вставая. – Фантазия у тебя довольно убогая, но мы, женщины, ценим в мужчинах что угодно, только не богатое воображение. Веди, Сусанин.

– Су...?

– Сусанин. Героический русский крестьянин, вызвавший-ся провести вражеское войско через леса.

– Тогда он предатель, а не герой, – вставил Ахмед, задви-

гая стул.

– Ты не дослушал, – усмехнулась шагающая чуть впереди Наташа. – Он завел врагов в трясины, где они утонули.

– А сам?

– Погиб.

– Карьера Сусанина не для меня, – признался Ахмед, притормаживая, чтобы не натолкнуться на остановившуюся спутницу.

Его тон был абсолютно искренним, хотя он, как обычно, кривил душой. Порученная ему миссия в чем-то напоминала сусанинскую. Обольстить Наташу, вкрасься ей в доверие и заманить в укромный уголок, где ею займутся другие. Чем, как и почему, Ахмеда не волновало. Ему было достаточно обещанного гонорара, гарантий личной безопасности и твердого алиби. Дальнейшая судьба Наташи его не касалась. И умирать Ахмед в обозримом будущем не собирался.

Последняя мысль придала ему уверенности и подняла настроение. В конце концов он не зря считался одним из опытейших ловеласов Каира. Играючи, покори русскую красавицу, фактически соблазнил ее, хотя и не имеет возможности воспользоваться плодами своей победы. Что ж, пусть будет так. Нужно смотреть на происходящее философски. Не эта Наташа, так другая. Не сегодня, так завтра.

Задумавшись, Ахмед не сразу сообразил, что видит перед собой не лицо Наташи, а ее удаляющуюся спину. Отчаяние, охватившее его, было не менее острым, чем недавнее воз-

буждение. Это была не просто тоска кобеля, из-под носа которого ускользала вожаденная сука. Не разочарование игрока, утратившего шансы сорвать кон. Ахмеду сделалось по-настоящему страшно. Ведь он взял у заказчиков задаток и успел промотать почти все деньги, а эти люди не принадлежали к числу тех, с кем хочется шутить или конфликтовать.

– Эй! – крикнул Ахмед, привлекая к себе внимание немногочисленной публики, находящейся в холле.

Наташа обернулась, всем своим видом выражая недоумение по поводу столь бесцеремонного обращения.

– В чем дело? – недовольно осведомилась она.

– Куда ты? – воскликнул Ахмед.

Вместо ответа Наташа кивнула на дверь с табличкой «Lady's room». Слава Аллаху, она направлялась в туалет! Ахмед достал из кармана платок и тщательно вытер лицо. По правде говоря, ему тоже не мешало бы опорожнить мочевой пузырь, но благоразумие удерживало его на месте. Им руководил инстинкт кота, подкарауливающего мышь, юркнувшую в норку. Мышь, которой все равно деваться некуда.

Прохаживаясь по вестибюлю, Ахмед беспрестанно сжимал и разжимал кулаки. Он не отдавал себе отчета в том, что его пальцы имитируют движение втягиваемых и выпускаемых когтей.

Остановившись перед зеркалом, Наташа придирчиво осмотрела свое отражение. Хороша. Любимое бирюзовое платье обтягивает фигуру несколько сильнее, чем до путешествия, но здешние мужчины предпочитают пышные формы, а дома будет достаточно несколько дней посидеть на диете, чтобы убавить излишнюю выпуклость живота.

Животика, мысленно поправилась Наташа, огладив бока руками. Она еще достаточно молода и достойна уменьшительных суффиксов. Пока женщине не перевалило за сорок, она вообще может позволить себе многое. Бурные, скоротечные романы с темпераментными восточными мужчинами. Обильные ужины. Облегающие платья.

Обратив внимание на то, что бретельки чересчур сильно врезались в плечи, Наташа гусеницей извернулась в шелковистом коконе платья, подтягивая его вверх. Под тонкой тканью резче обозначились выпуклости на боках. Нет, все же необходимо поменьше есть. Египетская кухня коварна. Большинство блюд состоит из овощей, щедро сдобренных специями, однако перед ними и между ними подаются так называемые маленькие закуски: бобы, орешки, жареный миндаль, пирожки, миниатюрные шашлычки, печень с подливой. Только-только разделаешься с закуской, как на стол выставляется что-нибудь обстоятельное. Плюс к этому сла-

дости на десерт. Кажется, Наташа слишком увлеклась, отдавая должное арабским яствам. Пора умерить аппетиты и позаботиться о фигуре. Как говорят зрелые женщины: скушал кекс – не забудь про секс!

Поведя носом, Наташа не уловила ни намека на неприятные запахи, но ноздри ее непроизвольно сузились. Цокая набойками каблучков по мрамору, она вошла в тесную, как холодильник, кабинку, заперлась и зашуршала платьем. Мысль о том, что снаружи дожидается нетерпеливый кавалер, приятно волновала. Его безудержная похвальба и витиеватые комплименты вызывали снисходительную усмешку. Зачем пыжиться и распускать хвост, если Наташа и без того готова отдаться, не требуя взамен ни подарков, ни клятв в вечной любви. Смешно.

Грустно и смешно, уточнила она, избавляясь от надушенных трусиков, чтобы спрятать их в сумке.

Эпизод из какого-то иностранного фильма. Наташу давно подмывало проделать этот фокус. Низ живота обдало холодком от возбуждения. Что-то напоминающее детские переживания при спуске с горки или купании голышом. «Какая жалость, – подумала Наташа, – что приходится искать острые ощущения на стороне, а не в супружеской постели». Но Виталий рано утратил потенцию. Ему нет и пятидесяти, а то, на что он способен при близости, не доставляет удовольствия ни Наташе, ни ему самому.

Наука, наука, наука! Виталий посвятил ей всю жизнь, а

она отплатила ему немощью и половым бессилием. Только и остается ему теперь, что смотреть сквозь пальцы на мимо-летные романы жены да скрепя сердце отпускать ее отдыхать одну. Хотя на две путевки в Египет у Верещагиных не хватает денег. Вот вам и научные изыскания. Пока муж занимается климатом, его жена неумолимо приближается к климаксу.

Перед мысленным взором Наташи возник черно-белый портрет какого-то седого маразматика, вывешенный над письменным столом Виталия. Неприятная личность. Лохмы стоят дыбом, глаза выпучены, язык высунут. Шутник. Они все заправские шутники, эти ученые. Их жены маются от скуки, а им и горя нет.

Черно-белая фотография сменилась цветной, затем они замелькали одна за другой, как на страницах перелистываемого альбома. Повсюду был изображен сын Верещагиных: совсем еще крохотный, годовалый, трехлетний, в костюмчике первоклашки, на велосипеде, на даче, за компьютером, с мамой и папой, с дедушками и бабушками...

А вот Степушка отмечает свой восьмой день рождения, приготовившись задуть свечи на торте...

А вот он на фоне новогодней елки, уже одиннадцатилетний, с бокалом шампанского, которое, впрочем, ему разрешили лишь пригубить...

И этой весной, при мобильнике – насупленный подросток четырнадцати лет, сперва обрадовавшийся подарку, а потом представивший себе, как он будет выглядеть с этой дешев-

кой рядом с одноклассниками из состоятельных семей, по-мрачневший...

Конечно, большое вам спасибо, дорогие родители, но труба голимая, с ней стыдно на людях показываться...

Стоп! Наташа ущипнула себя за локоть, обрывая поток разыгравшегося воображения. Она ни в чем не виновата перед сыном. Взрослые имеют право на личную жизнь. Пусть даже эта взрослая жизнь порой получается не такой, о которой можно рассказывать детям. Но Степушка ничего не узнает. Его непутевая мама перебесится и вернется домой прежней: веселой, милой, ласковой. А сегодня – ее день. Ее ночь. Ее короткое женское счастье.

Извини, сынок, но тебя это абсолютно не касается, так что не смей портить мне праздник!

Образ Степушки потускнел и расплылся. Наташа раздраженно захлопнула дверь кабинки и, ополаскивая руки под краном, машинально зачерпнула пригоршню воды.

Она оказалась солоноватая. Извечная проблема египтян. Фирменная минералка в бутылках стоит дорого и часто оказывается на поверку поддельной. В Каире бойко торгуют обычной водопроводной водой, торгуют кое-как опресненной водой морской, наполняют цистерны из Нила, вручную катают по улицам баки. Тонна пресной воды для бытовых нужд стоит около трех долларов, как килограмм телятины. Немалые деньги для среднестатистического жителя Египта, получающего двадцать баксов в месяц.

В общем, все относительно, как любит приговаривать Виталий, почему-то поглядывая при этом на портрет своего ученого кумира. Цитирует чужое изречение, навверное. Нет чтобы самому придумать что-нибудь умное, тянущее если не на Нобелевскую премию, то хоть на государственную. Боже, как надоело сводить концы с концами! Постоянно отказывать себе в чем-то, завидовать бабам из телевизора, мечтать о волшебных переменах и знать, что они никогда не произойдут. А ведь годы летят – не остановишь.

Подкрашивая губы, Наташа снова полюбовалась собой в зеркале. Макияж макияжем, а складки у носа и пообвисшие щеки никуда не исчезают. С каждым годом отметины времени становятся все заметней, все красноречивей.

Единственный способ задержать увядание – вести активную половую жизнь, а в этом деле Виталий не помощник. В позапрошлом году Наташу ублажал турок, минувшим летом это был болгарин, а теперь пришел черед араба. Настоящий интернационал. Любовники всех стран, соединяйтесь!

Наградив себя в зеркале кривой усмешкой, Наташа покинула туалет и направилась к Ахмеду с решительным видом. От предвкушения близости звенело в ушах. Сознание собственной порочности и доступности пьянило сильнее любого шампанского.

Кто сказал, что вознесшийся высоко низко падает? Спросите об этом у женщин, и они скажут, что в любви все происходит с точностью до наоборот.

Наташа посмотрела Ахмеду в глаза и многообещающе улыбнулась.

— *Я готова*, — доложила она.

Это был тот редкий случай, когда она могла позволить себе быть предельно откровенной.

* * *

В лунном свете изваяние Мухаммеда Али на площади казалось отлитым из серебра. Средневековые башни и стены создавали сказочную атмосферу «Тысячи и одной ночи». Припаркованные близ ресторана автомобили утопали в чернильной тени, отбрасываемой мечетью Сейида Зейнаб. Прибывающих и отъезжающих сопровождали босоногие парковщики с самодельными медными бляхами на груди. «Бакшиш, бакшиш», — верещали они, если кто-нибудь медлил с оплатой их сомнительных услуг. Их зубы сверкали в темноте.

За ними рассеянно наблюдали двое иностранцев, приехавших сюда вовсе не ради экзотического ужина и восточных танцев. Несмотря на распахнутые двери, в машине было душновато. Приемник мужчины не включали. Оба были одеты в разноцветные, но однотипные ти-шорты, стилизованные под просторные арабские рубахи. Сандалии на них тоже почти не отличались друг от друга. Было ясно, что мужчины вместе прошлись по местным магазинам. Услышав их речь,

можно было с уверенностью сказать, что это американцы.

Так оно и было. Сидящих в автомобиле мужчин звали Броуди и Стейбл. Они прибыли в Каир из Соединенных Штатов. Обувь и одежда приобретались еще пару недель назад, но нарядиться в обновки довелось только нынешним вечером. Мужчины даже фотоаппараты прихватили, чтобы подчеркнуть свой туристический имидж. Правда, снимать им было некого и нечего. Они ограничивались тем, что убивали время, пялясь на горластых парковщиков.

– Помахал несколько секунд руками – получил деньги, – прокомментировал Броуди, барабанив пальцами по рулю. – Хорошая работенка.

– И ты подыщи себе такую, – предложил Стейбл, меланхолично жуя зубочистку.

– Я бы с удовольствием, лейтенант, но привык иметь крышу над головой.

Броуди закончил фразу невнятным фырканьем. Он все еще находился под впечатлением от увиденного в Каире. О май гад! Большинство здешних домов не имело крыш! Их заменяло щетинистое переплетение ржавой арматуры. Ленивые и томные, под стать своей музыке, египтяне достраивали этажи по мере прибавления потомства и статей доходов. Среди них американцы чувствовали себя акулами, запущенными в сонное болото. Скучно, грязно и душно от постоянной нехватки кислорода. Вместо него в воздухе витают запахи муската и мускуса, кардамона и кофе, гашиша, разогрето-

го асфальта, паленой резины, свежей зелени, тухлого мяса. Непередаваемый аромат. Густой и насыщенный, как туземная похлебка.

Броуди судорожно зевнул.

– Скоро они сговорятся? – спросил он.

– Думаю, уже сговорились, – ответил Стейбл, сверившись с пыленепроницаемыми часами, полученными перед выездом в страну песчаных бурь. – Осечки не будет. Мы целый год наблюдали за женой Верещагина и хорошо изучили ее повадки.

– По крайней мере, в ближайшее время он может не опасаться супружеской измены, – ухмыльнулся Броуди.

– Не уверен.

– Разве арабам, которые умыкнул Наташу, не велено обращаться с ней бережно?

– На первом этапе – да, – подтвердил Стейбл. – Однако впоследствии могут потребоваться эффективные методы воздействия.

Броуди скорчил гримасу, означающую сомнение. Его жизненный опыт подсказывал, что методы воздействия, на которые намекал шеф, никуда не годятся.

– Эта кошка, – сказал он, – только рада будет задирать хвост перед кем бы то ни было!

Стейбл загадочно усмехнулся:

– И перед больными проказой?

– Не понял, – наморщил лоб Броуди.

Из-за этой привычки морщиться он выглядел гораздо старше своих лет, но зато чуточку сообразительнее. В нем было что-то от ковбоя «Мальборо», наткнувшегося на непреодолимую преграду и пытающегося сообразить, как быть и куда скакать дальше.

– Мы устроим миссис Верещагиной экскурсию в лепрозорий, – пояснил ему Стейбл, меняя зубочистку. – Пусть сама выбирает, с кем быть сговорчивой: с Си-ай-эй или с прокаженными. Держу пари, что им ничего не обломится.

– Должно быть, вы шутите?

Хотя в английском языке не существовало четкого различия между местоимениями «ты» и «вы», оно определялось построением фраз и интонацией. Поскольку Стейбл являлся старшим офицером, то обращаться к нему следовало уважительно, что Броуди и делал. Со своей стороны, Стейбл разговаривал с ним свысока.

– Если это и шутка, – произнес он, – то русской красавице совсем необязательно знать об этом. При входе в лепрозорий у людей пропадает чувство юмора.

– Это точно! – развеселился Броуди. – Ха-ха-ха!

Забывшись, он нечаянно задел клаксон. «Форд» отозвался возмущенным возгласом. Парковщики покосились в сторону американцев и равнодушно отвернулись. В Каире принято общаться посредством автомобильных гудков. Так водители переругиваются друг с другом, приветствуют знакомых пешеходов, благодарят уступающих дорогу и просто на-

поминают окружающим о своем существовании. Даже в этот поздний час город ухал, квакал, улюлюкал, завывал и повизгивал на все голоса. И все же Стейбл не замедлил сделать подчиненному замечание:

– Не расслабляйся, сержант. Миссия всегда представляется проще, чем она есть на самом деле.

– Да, лейтенант, – согласился Броуди.

На самом деле он так не считал. Что может быть легче, чем пристроиться за машиной Ахмеда и проследить, как арабские наемники организуют похищение? Жертва плохо ориентируется в лабиринте каирских улиц, поэтому до самого конца не заподозрит ничего неладного. Может быть, Верещагина попытается кричать, когда неизвестные станут вытаскивать ее из машины, но какая ночь обходится здесь без воплей о помощи? К тому же существует множество способов заставить женщину умолкнуть. Вколют ей снотворное, закатают в восточный ковер и доставят по указанному адресу. Дальнейшее – дело техники, а с техническим оснащением у американцев все в порядке.

– Не повезло ученому с женой, – сказал Броуди, который плохо переносил молчание и бездеятельность. – Если уж жениться, то на мусульманке. А что? – Он осклабился. – На посторонних мужчин не смотрят, ходят по городу в жутких балахонах, лица прячут, наряжаются только для мужей. – Поразмыслив, он мечтательно добавил: – И раздеваются тоже.

– Могу обеспечить тебе постоянную работу в Египте, –

произнес Стейбл. – Обзаведешься египтянкой. Будет наряжаться только для тебя. И раздеваться тоже.

Судя по улыбке лейтенанта, это была шутка. Судя по косому взгляду – предостережение.

Броуди заерзал за рулем, двигая задом так, словно уминал им торчащие пружины.

– Надоело ждать, – проворчал он извиняющимся тоном. – Я привык действовать, а не торчать на месте. Катящийся камень мхом не обрастает, как говорят у нас в Огайо.

– На Востоке необходимо уметь ждать, парень, – сказал Стейбл. – Египетские пять минут длятся три часа. Суесться здесь все равно что ходить с зонтом. Глупо и неприлично.

Броуди понимающе кивнул. Он успел изучить некоторые неписанные правила поведения в Каире. Нельзя входить в мечеть во время молитвы. Нельзя фотографировать внутри гробниц. Гулять по Городу Мертвых у подножия горы Мукаттам можно, но лишь в том случае, если не имеешь ничего против того, чтобы тебе выпустили кишки бродяги, обитающие в могилах. Не рекомендуется платить за товар больше половины запрашиваемой торговцами цены. Категорически запрещается заговаривать с женщинами, носящими паранджу.

И вот новый сюрприз!

– Зонт, гм, – повторил Броуди. – Что неприличного усматривают в нем арабы? Зонт напоминает им член?

Услышав такое предположение, Стейбл едва не проглотил

зубочистку. «Это твоя башка напоминает член, сержант, – думал он, корчась от хохота. – Здоровенный тупой член, предназначение которого вовсе не в том, чтобы рассуждать». Кое-как подавив желание произнести фразу вслух, он утер выступившие слезы и сказал:

– Не вздумай поделиться своими мыслями с аборигенами, парень. Тебя не поймут. Зонты в Каире не носят потому, что здесь не бывает дождей.

– Совсем?

– Практически да.

– Климатическое оружие?

Едва неосторожный вопрос сорвался с языка Броуди, как Стейбл подался к нему, яростно сверкая глазами.

– Природные условия, – прошипел он, тыча подчиненного пальцем в грудь. – Естественные природные условия, только и всего. И настоятельно советую держать некоторые познания при себе, ясно, сержант?

– Да, сэр, – выпрямил спину Броуди.

Сидячая версия стойки «смирно».

– А если тебе нечем заняться, – продолжал Стейбл, откидываясь на сиденье, – то понаблюдай за типом, который болтается возле входа в ресторан. Не нравится он мне.

– Мне тоже. Пьяный, как сибирский медведь.

Скорее мужчина напоминал моряка, ступившего на сушу после многодневной качки. Стоило ему бросить взгляд на часы или достать из кармана зажигалку, как он утра-

чивал с трудом найденное равновесие и был вынужден делать несколько шагов вперед. Хитрые парковщики уже дважды подходили к нему за подачкой и оба раза получили по пригоршне мелочи. Теперь, подобрав оброненные монетки, мальчишки приглушенно переругивались из-за добычи. Некоторое время мужчина тупо наблюдал за ними, а потом отвернулся и расставил ноги пошире, чтобы не упасть.

Стейбл, заподозривший неладное, успокоился. Даже самому лучшему актеру не под силу сыграть настоящее опьянение. Всегда получается или перебор, или недобор. Точная имитация жестов и движений человека во хмелю невозможна. Трезвый не способен расслабить все мышцы до такой степени, чтобы превратиться в ходячее желе. Притворщик скопирует походку, но забудет про положение головы или рук. Заговорит заплетающимся языком, а взглянуть затуманенными глазами не удосужится. Что касается позы, то у пьяных она неподражаема. Мужчина, привлечший внимание американцев, попадал рукой в карман со второй или с третьей попытки, а его приплясывания с целью сохранить равновесие были неподражаемы.

– Русский, наверное. – Броуди наклонился к лобовому стеклу. – Интересно, где и чем он умудрился нализаться? Не в ресторане же шампанским?

– Туристам разрешается провозить литр крепкого алкоголя, – процедил Стейбл, наблюдая за хаотическими перемещениями пьяницы. – Этот уничтожил все запасы сразу.

– Тогда чем он нам может помешать?

– И действительно.

Рассудив так, американцы просчитались. Хотя в некоторых своих предположениях они оказались правы. Привлекший их внимание человек был гражданином России. И он действительно принял изрядную дозу спиртного.

* * *

Пропуская Наташу вперед, Ахмед жадно проследил за ее колышущимися выпуклыми ягодицами. О, это современное женское белье! Оно создает иллюзию, что верхняя одежда носится прямо на голом теле. Или Наташа в самом деле разгуливает без трусиков?

– Моя машина стоит правее, – хрипло произнес Ахмед, подхватывая спутницу под руку. Галантности в этом жесте было не больше, чем в прыжке паука, набрасывающегося на свою жертву.

– Надеюсь, у владельца замков и яхт тачка с кондиционером?

У Ахмеда имелась одна-единственная возможность оставить сарказм без внимания, и он ею воспользовался, недоуменно переспросив:

– Тачка?

Наташа склонила голову к плечу:

– Впервые слышишь?

– Кажется, нет. Ты говоришь про телегу?

– Ну да, – усмехнулась Наташа, – мы ведь плохо знаем русский. Моя твоя не понимает.

– Мы? – продолжал валять дурака Ахмед.

Ему было настолько неловко усаживать спутницу в раздолбанный «Ситроен» прошлого тысячелетия, что он бессознательно оттягивал неприятный момент. Аллаху было угодно, чтобы Наташа так никогда и не узнала марку автомобиля своего кавалера.

Дорогу к паркингу преградил молодой мужчина в шлепках, мятых шортах и такой же мятой рубашке навывпуск.

– Привет! – воскликнул он.

– Хэлло, – вежливо поздоровался Ахмед, решив, что перед ним стоит кто-то из приятелей Наташи.

А она приняла мужчину за знакомого Ахмеда и молча кивнула.

– Где ты его подцепила?

Покачиваясь из стороны в сторону, мужчина мрачно уставился на Наташу. Она растерянно повернулась к Ахмеду. Тот поискал взглядом полицейского, не нашел и грозно нахмурил брови:

– Позвольте пройти.

– А вот не позволю, – нахально заявил мужчина, переплетя руки на груди. Получилось нечто замысловатое, как морской узел, но ненадежное и распадающееся.

Ахмед подумал, что хорошо бы толкнуть наглеца плечом,

чтобы тот грохнулся на асфальт, однако не стал этого делать. Толкнуть-то можно, а потом? Пьяные легко падают, но быстро встают. Тот, который привязался к Ахмеду и Наташе, не походил на слабого противника. От него исходил резкий запах спиртного, и он держался на ногах не слишком твердо, но вид у него был весьма решительный.

Сообразив, что кавалер не расположен проявлять бойцовские качества, Наташа взяла инициативу на себя.

– Чего тебе надо? – грубо спросила она. – На неприятности нарываешься?

– Я? – Мужчина разразился демоническим хохотом, сделавшим бы честь любому артисту провинциального оперного театра. – Это хахаль твой мокроусый наывается. Где ты его подцепила, я спрашиваю?

– Мы так и будем стоять? – спросила Наташа у Ахмеда, раздраженно дергая его за локоть.

Он огладил пальцами усы, удостоверился в том, что они абсолютно сухи, и шагнул вперед.

Мужчина сделал то же самое. Их грудные клетки почти соприкоснулись, после чего Ахмед предпочел отступить на исходную позицию.

– Откуда столько беспричинной агрессии? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. Глаза его забегали, как ищущие убежище тараканы.

– Видишь, на кого ты меня променяла, Натаха? – упрекнул мужчину. – Он уже в штаны наложил, приятель твой чер-

нозадый. Плюнь на него и поехали в отель. Я тебе купальник купил. Карден. Или Прадо? – Мужчина потер переносицу. – Короче, нормальный купальник.

– Что ты несешь такое? – топнула ногой Наташа. – Что он себе позволяет? – спросила она у Ахмеда.

У того имелся встречный вопрос:

– Вы знакомы?

– А тебе какое дело, знакомы мы или нет? – перешел в наступление подвыпивший мужчина. – Тебя это гнетет? Вали отсюда, мурло кудлатое, откуда наследства не лишил!

– Полиция! – зычно крикнул Ахмед.

Юные парковщики, позабыв обо всем, во все глаза наблюдали за развитием событий. Пара, вышедшая из ресторана, остановилась, не отваживаясь пройти мимо шумной компании. В отдалении замаячили фигуры зевак. Одетые преимущественно в светлое, они напоминали потревоженных призраков.

– Еще фараонов своих египетских на помощь позови, – ехидно предложил мужчина Ахмеду, после чего пнул его в живот.

– Полиция, полиция! – выкрикнула какая-то женщина по-английски. В ее произношении это прозвучало как мольба: «Please, please!»

Ахмед издал сдавленный стон. Удар был не настолько болезненным, чтобы свалить с ног взрослого мужчину, однако распрямляться после него абсолютно не хотелось. Ахмед ре-

шил, что разумнее будет дожидаться блюстителей порядка в скрюченной позе. Тем более что призывы к полиции слились в общий нестройный хор:

– Police! Help!

Кто-то звонил по телефону, кто-то давил на клаксон.

Наташа затормошила Ахмеда, но добила от него лишь нескольких нечленораздельных звуков.

– Мудак! – взвизгнула она в типично русской манере.

Скорее всего, ругательство адресовалось незадачливому кавалеру, но мужчина воспринял его на свой счет.

– У, блядина, – сказал он и отвесил соотечественнице две сочные оплеухи.

Шлеп! Шлеп! Голова Наташи мотнулась слева направо, потом справа налево. Машинально разогнувшийся Ахмед получил кулаком в нос, схватился за лицо и отстраненно отметил, что теперь его усы действительно сделались мокрыми. Где-то взвыла полицейская сирена, к ней подключилась вторая...

Идиллия звездной южной ночи была нарушена окончательно.

* * *

Американцы, оцепеневшие в салоне своего автомобиля, переглянулись.

– Убери его! – рявкнул Стейбл, когда наконец осознал,

что прямо у него на глазах рушится конструкция тщательно подготовленной операции. — Убери этого паршивого ублюдка, пока не вмещались копы!

Броуди встрепенулся:

— Я из него отбивную сделаю. Сожру с потрохами!

Угроза была реальной, но несколько запоздавшей. За те две или три секунды, которые понадобились Броуди для того, чтобы выбраться из автомобиля, незнакомец успел отправить Ахмеда в нокаут и порвать на Наташе платье. Обороняясь, она размахивала сумкой, содержимое которой разлеталось во все стороны. Зрителей вокруг собралось предостаточно. Местные мужчины зачарованно смотрели на оголившееся Наташино бедро и не проявляли никакого желания разнять дерущихся. Вмешавшемуся иностранцу в ковбойской шляпе досталось по уху. Наташа, зацепившись каблуком за каблук, с размаху уселась на задницу.

Безобразие прекратил Броуди, выскочивший на площадку, как чугунное ядро, как стенобитный таран, как разъяренный носорог. Торопясь наверстать упущенное, он обрушил на забияку шквал ударов. Его кулаки мелькали в ночи, его руки уподобились механическим поршням. Он бил, бил, бил, и, казалось, противник вот-вот рухнет, не выдержав такого напора.

Но этого не происходило.

Пьяный хулиган не оказывал достойного сопротивления, однако и падать не спешил. Несмотря на рассеченную губу

и ссадины на скулах, он умудрялся сохранять равновесие. Словно американец колотил гибкую тростинку. Зрелищно и безрезультативно.

Пьяница шатался из стороны в сторону, его отбрасывало назад, он наклонялся и распрямлялся, увертывался и закрывался, не давая отпора, а эффектный завершающий удар у Броуди никак не получался. Хуже того! Уходя от натиска, противник проворно попятился и очутился в узком проходе между машинами, где расправиться с ним оказалось еще труднее. Не было пространства для маневра. Броуди пустил в ход натренированные ноги, но пьяница отступил еще дальше, сделавшись почти недостижимым в лабиринте, образованном автомобилями. Одна за другой включались потревоженные противоугонные системы.

Вау-у-у! Уин-уин! Лю-лю-лю-лю!

К тому моменту, когда к ресторану подкатили полицейские, их сирена тонула в общем механическом скулеже. Суматоха поднялась такая, что о сохранении конфиденциальности нечего было и мечтать.

* * *

Выплюнув перекушенную пополам зубочистку, Стейбл выбрался наружу. Провал, полный провал, тоскливо констатировал он, увидев, как разгорячившийся напарник смазал по челюсти подбежавшего полицейского. Египетские блю-

ститители порядка не отличаются устрашающей внешностью, но они многочисленны и очень щепетильно относятся к чести своих светло-бежевых мундиров.

На место событий подоспели еще две машины с мигалками. В ход пошли дубинки, засверкали браслеты наручников. Полицейских было около дюжины, а впечатление складывалось такое, будто их раз в десять больше. Толпа возбужденно гомонила, обсуждая происходящее. Все трое мужчин, так или иначе принимавшие участие в потасовке, распластались на асфальте лицом вниз, руки у всех оказались скованными за спиной.

Броуди лежал неподвижно. Ахмед ерзал до тех пор, пока не получил дубинкой по заднице. Зачинщика драки тоже приголубили, но он громогласно потребовал вызвать российского консула, и его оставили в покое. Взлохмаченная Наташа безуспешно пыталась приладить на место полуоторванный подол платья. Арабы, перед глазами которых мелькал то ее оголившийся бок, то бедро, цокали языками. Один из полицейских, собиравший с земли разбросанные вещи, издал гортанный возглас и застыл, уставившись под ноги.

Проходящий мимо Стейбл опознал в скомканном лоскуте материи предмет женского туалета и скрипнул зубами. Удача была так близка! Наталья Верещагина была готова к интрижке с Ахмедом. Все испортил факин дранк рашн! Проклятый русский пьяница! Откуда только он взялся?

Стейбл полез в карман, нащупывая удостоверение сотруд-

ника американского посольства. Внезапно осенившая его идея была блестящей. Необходимо забрать у полицейских не только Броуди, но и эту взбалмошную Наташу. Она растерянна, напугана, она только и мечтает, чтобы поскорее уехать отсюда. Почему бы и нет? Стейбл выдаст ее за гражданку Соединенных Штатов, и это сработает. Правда, каирские копы не преминут проверить документы Верещагиной, так что придется раскошелиться. Причем, учитывая экстравагантный наряд русской, сумма выкупа будет немалой. Но и ставка велика.

Не только один Стейбл считал так.

Откуда ни возьмись, на сцене возник новый персонаж: средних лет мужчина при галстукке, хотя и без пиджака. Сделав несколько шагов вперед, он подобрал утерянный Наташей паспорт и, одарив вежливой улыбкой замешкавшегося полицейского, поднял находку над головой.

– Господа, – провозгласил он на безупречном английском языке, – я Беликов, второй секретарь посольства Российской Федерации в Египте. Приношу извинения и выражаю озабоченность по поводу инцидента, в который была невольно вовлечена моя соотечественница. Кому предъявить документы?

Стейбл остановился, сунув руки в карманы и широко расставив ноги. Российский дипломат опередил его: отыскав среди полицейских старшего офицера, он что-то тихо втолковывал ему, протягивая удостоверение и паспорт. Египтя-

нин бегло изучил их и возвратил русскому, причем его правая ладонь была стиснута в кулак и вывернулась, как у паралитика. Пока Стейбл смотрел на смуглое лицо офицера, стремясь определить размер взятки, тот сделал неувловимое движение ладони к карману, после чего принялся поправлять портупею, демонстрируя всем, что его руки пусты. Русский же приблизился к Наташе и, отвесив сдержанный полупоклон, осведомился:

– Госпожа Верещагина? Желаете дать показания полиции или предпочитаете написать объяснения в посольстве?

– В посольстве, – не задумываясь, ответила Наташа.

– И я – в посольстве, – заволновался протрезвевший от треволнений пьяница.

Беликов посмотрел на него так, будто увидел у своих ног говорящего червя.

– Вы в состоянии идти самостоятельно? – спросил он у Наташи.

– Еще как! – откликнулась она.

– Тогда следуйте за мной.

Провожаемые любопытными взглядами, они направились к синему «Крайслеру» с дипломатическими номерами. Толкаясь, юные парковщики засеменили рядом с Наташей, придерживающей расползающееся платье.

Броуди повернул голову к Ахмеду и шепнул ему нечто такое, отчего тот уткнулся носом в асфальт и перестал подавать признаки жизни. Пьяница тоже помалкивал, вероятно,

надеясь, что посол вернется за ним. Этого не произошло. Фыркнув, автомобиль с дипломатическими номерами покинул площадь.

Стейбл выступил вперед и, не в силах избавиться от недовольной мины, произнес:

– Я помощник военного атташе Соединенных Штатов. Требую извинений и выражаю решительный протест по поводу незаконного задержания гражданина Америки...

Забегая вперед, отметим, что освобождение Броуди не стоило ни цента, однако оптимизма это Стейблу не прибавило. Его, как несмышленного мальчишку, обвели вокруг пальца, за что ему полагалось строгое наказание. Уже не как мальчишке. А как проштрафившемуся лейтенанту Центрального разведывательного управления.

Глава вторая

Россия, Нижегородская область,

объект № 1 НИИ радиофизики,

24 мая, ночь

Пока грузился древний комп, издающий ревматические побряхтывания и поскрипывания, Степа лег животом на подоконник и прикурил сигарету из позаимствованной у отца пачки. Голимая «Тройка», но зато на халяву, а на халяву и уксус сладкий, и дым отечества. К тому же, поддерживая отечественного производителя, чувствуешь себя как бы патриотом, а собственная бесшабашность превращает процесс курения в маленькое приключение.

Большие приключения в Степиной жизни тоже случались, но все они заканчивались большими неприятностями. Нормальный расклад. Повзрослев, начинаешь понимать, что жизнь – не похождения Гарри Поттера, и волшебства в ней ни на грош. Урвал свой маленький кусочек счастья, и радуй-

ся. Как та курочка, что по зернышку клюет. Пока ей шею не скрутят.

Степа сплюнул в темноту. Дым он пускал далеко перед собой, складывая губы трубочкой. Затаившись, держал сигарету в вытянутой руке, чтобы табачный запах не проникал в комнату. Лежал на пузе, почесывал ногу ногой и смотрел прямо перед собой.

Территорию окружала черная зубчатая стена леса. В сравнении с ней покосившаяся рукотворная ограда смотрелась убого, но Степа убедился, что охраняется она бдительно. Вместо сторожевых вышек, электротока и колючей проволоки – чувствительные датчики и современные веб-камеры по периметру. Сунешься не в ту степь – тут же, как из-под земли, вырастают амбалы в камуфляже и без знаков различия. Здорово же они охраняют сотрудников. В том числе и Степиного отца с его лабораторией. Секретный объект как-никак.

Переехать сюда на время отъезда матери Степа отказывался лишь до тех пор, пока не узнал, что прозябание в лесной глуши обеспечивает ему заочную сдачу экзаменов. *Автоматом*, как многозначительно пояснила директриса школы. То есть экзамены как бы есть, а тебя как бы нету. Какой же дурак станет упираться после этого? Степа вернется в город как раз с началом летних каникул, не клятый, не мятый, досыта надышавшийся свежим воздухом... и никотином.

Выдув сизое облачко, он воровато оглянулся на комнату,

тускло озаренную голубоватым свечением монитора. Отец спал, изнуренный научными изысканиями, жарой и комарами. Это хорошо. Можно будет еще сигаретку дернуть, а то, когда торчишь в чате без перекуров, уши пухнут.

Сделав глубокую затяжку, Степа стал пускать кольца дыма, потому что пялиться на захлавленную площадку было скучно. Соседский пацан, яйцеголовый умник с парой линз вместо глаз, утверждал, что иногда здесь есть на что поглядеть ночами, но веры ему не было. Разноцветные пылающие шары, летающие над лесом, скорее всего, пацану приснились или померещились после трамалгина. «Анальные они, твои явления, а не аномальные, – сказал Степа, выслушав рассказ. – Лови глюки, не теряй брюки».

Откуда тут взяться НЛО? Что инопланетяне не видели на полузаброшенном полигоне в ста пятидесяти километрах от Нижнего Новгорода? Бесконечные ряды двадцатиметровых антенн, утопающих среди моря кустарников? Рупор-излучатель, уставившийся в небо? Трансформаторные подстанции с выломанными дверями? Обшарпанные домишки лабораторий и хозкорпусов? Все вместе (включая матерные надписи на стенах и заборах) называлось загадочным словом «Сура». Отец, воспитанный в совковой атмосфере поголовной шпиономании, до сих пор произносил слово вполголоса.

– Что ты там делаешь, Степка?

Легок на помине! Явился, не запыхался.

Мальчик разжал пальцы, выпуская окурочек. По-быстрому

проветилировал легкие. Спрыгнул с подоконника и повернулся к отцу, весь из себя правильный, независимый и спокойный.

– Мозги проветриваю, – соврал он. – А тебе чего не спится?

– Жарко, – пожаловался отец, вода рукой по седой груди. Знакомый жест. Как про маму заговорит, так сразу за сердце хватается. Сдает батя. А чем ему поможешь?

– По телику сказали, рекордная майская температура за сто с чем-то лет, – сообщил Степа с таким видом, словно в этом была его личная заслуга. – Везет маме. – Он сунул в рот жвачку и прошел мимо отца, чтобы расположиться за компьютером. – Небось из воды не вылезает.

– Но не ночью же, – заметил отец, поморщившись.

Вот так взрослые люди морщатся, кривляются, улыбаются, а потом у них личики что та жеваная бумага. А некоторые еще кофе глушат да мозги сушат с утра до ночи. Результат плачевный, резюмировал Степа. Не слишком приятно видеть родного отца с телосложением Кощея Бессмертного, сивыми патлами и голыми ногами с варикозными венами. Хоть бы по дому не в трусах шастал, а в спортивном костюме, что ли. Степа ладно, ему по барабану, но мать... Интересно, что думает женщина про неухоженного мужика преклонного возраста, который ей чуть ли не в отцы годится? Нет, не интересно, потому что ничего хорошего думать она не может. Тут не просто в воду ночью полезешь, тут уто-

ПИШЬСЯ ОТ ТОСКИ.

* * *

Степа зевнул. Представил себе неизвестно для кого наряжающуюся и красящуюся маму. Спросил глухо и протяжно:

– Там у нее какое море, а? Красное?

Отец встрепнулся. Поправил растопыренной пятерней шевелюру.

– Средиземное, кажется. Хотя шут его знает. По-моему, Красное тоже.

– Тогда ей вдвойне повезло, – рассудил Степа.

– Вдвойне, да. Кха-кха... – Вместо того чтобы вернуться в спальню, отец взял стул, развернул его спинкой от себя и сел верхом. Прямо как мальчишка, не заметивший, что он давно состарился. – Наша мама, – сказал он, – заслужила полноценный отдых. Пусть гуляет.

– И отсыпается, – буркнул Степа.

За этим как бы следовало недосказанное: «Ты бы, папа, тоже шел баиньки. Не видишь? Я хочу остаться один».

– Отсыпается, – повторил отец и снова поморщился. – Брось-ка мне сигареты.

– А где они? – фальшивым тоном поинтересовался Степа.

– В заднем кармане твоих джинсов.

Не отвертись. Степа всегда брал всю пачку, а потом тихонько возвращал на место. Куда умнее, чем лишний раз

прокрадываться в спальню и шерудеть там мышью. Но на этот раз мышь спалилась. Горела ярким пламенем, аж уши полыхали.

– Я только попробовать, – сказал Степа.

Отец кивнул:

– Понятное дело. Давно куришь?

– Редко. И не в затяжку.

– Я тоже начинал в твоём возрасте и тоже не в затяжку.

А теперь вот...

– Что?

– Кха. Ничего.

Степа сунул отцу сигареты, спички, пепельницу и вернулся за стол. Из-за несостоявшейся нотации он почувствовал к отцу благодарность. Неожиданно для себя он выключил компьютер и откинулся на стуле, давая понять, что не прочь поболтать на отвлеченные темы. В темноте, заполнившей комнату, была только одна яркая точка: рубиновый огонек сигареты.

– Вот ты климатом занимаешься, – сказал Степа, наблюдая за огоньком, – так, может, объяснишь, что происходит?

– А что происходит? – насторожился отец.

– То потоп, то засуха, то морозы в Африке, то в Москве асфальт от жары плавится. Только не надо про циклоны и антициклоны. Лучше прямо скажи, нам по ящику правду про глобальное потепление говорят? Или лапшу вешают?

Отец, похожий на призрак, окутанный паром, задумался.

– На этот вопрос не существует определенного ответа, – признался он наконец. – Антропогенный фактор...

– А без этих своих ученых фишек? – попросил Степа.

– Выброс в атмосферу углекислого газа, – поправился отец. – Действительно ли увеличение его содержания вызывает потепление на планете? Неизвестно. За минувшее столетие температура в среднем повысилась на полградуса, а концентрация *це-о-два* – на тридцать процентов. Чтобы определить закономерность, необходимо вести наблюдение еще два века, а этого времени у нас нет.

– В смысле? У кого: у нас?

– У человечества.

Столько безысходности послышалось в голосе отца, что Степе стало как-то неуютно. Поджав под себя ноги, он тихо спросил:

– Вымерем как мамонты?

– Не вымерли они. Погибли в одночасье.

– Что хреном по лбу, что редькой в нос, – рассудил Степа. – Лично я не мамонт, и я не согласен.

– О? – приятно удивился отец. – И что же ты предлагаешь предпринять?

– Почему это *я* должен предлагать и предпринимать?

– Но ведь не согласен *лично ты*. Следовательно, ты намерен каким-то образом проявить свой протест.

– Ничего я не намерен, – буркнул Степа. – А вот янки пускай Киприотский протокол подписывают, или как его там?

– Киотский.

– Вот я и говорю. Надавили бы на них всем миром, не отвертелись бы.

Отец засопел, заскрипел стулом.

– Протокол ничего не меняет, сынок, – сказал он. – Не так страшна двуокись углерода, как ее малюют. Мировой катастрофы из-за нее не случится. Локальные бедствия – да. Или, скажем, сокращение отопительного сезона в России. Но это как раз положительный эффект, не так ли?

– Тогда чего ты вздыхаешь?

– Я вздыхаю? – удивился отец.

– Без остановки, – подтвердил Степа. – Маму ревнуешь?

– Глупости! Разумный человек не унижается до ревности.

– Угу. То-то ты всякий раз, когда мама звонит, ей форменные допросы устраиваешь.

– Ничего я не устраиваю, – с вызовом произнес отец. И абсолютно непоследовательно добавил: – Подрастешь, поймешь.

– А я уже подросток, папочка, – сказал Степа. – Только ты этого все никак не поймешь. Разговариваешь со мной как с маленьким.

– Думаешь, если отцовские сигареты куришь, то уже взрослый?

– Думаю, что мне без разницы, от чего погибаться: от жары, от бомбы или от никотина. Сам сказал: кранты.

Отец покачал головой:

– Я сказал: времени мало.

– Ты сказал: времени нет!

Степа начал заводиться. Несмотря на несомненную удачу со школьными экзаменами, в пребывании на секретном объекте существовали свои минусы. Большие минусы.

Предоставленная Верещагиным квартира дышала казенщиной, кишела тараканами и была обставлена слишком убого, чтобы дарить ее временным обитателям хотя бы какое-то подобие уюта. Она размещалась в одном из двух жилых домов гостиничного типа. Это отец говорил, что *гостиничного*. Степа предпочитал более точное определение. Бараки, они и в Африке бараки.

Народ обитал на территории объекта пестрый, одевался как из секонд-хенда: доисторические белые халаты; тяжелые, мешковатые костюмы; стремные джинсы с кривыми строчками; платья, скроенные в ателье по пошиву пододеяльников и наволочек. Чем занимались здесь все эти дядечки и тетеньки, перенесенные в современную эпоху из туманного совкового прошлого? По утрам они расходились по своим лабораториям, а вечером возвращались домой, замкнутые, молчаливые и, как казалось Степе, ожесточенные. Судя по сумме, которую отвалил отец маме на поездку в Египет, деньги платились научным сотрудникам немалые, однако оживления, радости или вдохновения на лицах служащих не читалось. Не любимую работу они выполняли, а отбывали срок, такое создавалось впечатление. Словно собравшиеся лишь

притворялись занятыми важным делом. Как на коллективной уборке школьного двора, затеянной по весне преподами. Им ужасно хотелось возродить праздничную атмосферу субботников, а ученики клали на эти субботники кто лом с прибором, кто медный таз с мочалкой.

Вот и на секретном объекте картина наблюдалась аналогичная. Степа даже иногда думал: а не силком ли сюда народ согнали? Ну, как в сталинские времена, когда, если верить преподам, оружие победы ковалось в так называемых шарашкиных конторах. Может, «Сура» – это что-то типа ГУЛАГа? Для полной аналогии недоставало только краснопогонных автоматчиков, неразговорчивых хмырей в штатском да злобных овчарок, караулящих каждое твое движение.

Совок – он и есть совок. Хоть ты его трижды империей назови, обвешай полосатыми флагами и утыкай двуглавыми орлами. Страна Эсэсэсэрия, где вечно то голодомор, то разруха, то перестройка. Куда ни кинь, всюду блин. Коровий.

* * *

– У нас всегда чего-нибудь не хватает, – сказал Степа, хмурясь от невозможности высказать все, что бредило душу. – Времени, бабла, правильных законов. Как во время войны враги сожгли родную хату, так и осталось. Надоело в погорельцах ходить. Сидим по уши в грязи и про былое величие квакаем. Противно. – Степа подумал, что неплохо

бы сейчас закурить, но при отце было нельзя, и раздражение усилилось. – На кой нам армия, если все равно щемят со всех сторон, как последних лузеров. Этот засекреченный объект, кому он... – Поразмыслив, Степа подыскал замену непечатному выражению, напрашивающемуся на язык. – Кому он нужен? Бродите тут с умным видом, щеки надуваете. А оборудование проржавело насквозь и аппаратура эпохи неолита...

– Неолита, – поправил отец.

– Какая... – Откашлявшись, Степа пропустил матерное слово. – Какая, гм, разница? Чем груши ни околачивай, а результат один. Нулевой результат.

– Тут у тебя разрыв в логической цепочке, брат.

– Какой еще разрыв?

– Даже если околачивать груши, как ты выражаешься, – пояснил отец, – то результат, несомненно, будет. В виде упавших плодов, например. Нужны они или нет, будут ли использованы по назначению или сгниют, вопрос другой. А если смотреть на проблему шире, – отец поднялся со стула и принялся расхаживать по комнате, скрипя половицами, – то любое действие эффективнее бездействия. Особенно если не ограничиваться надуванием щек или беспредметной болтовней.

– Это я болтаю? – оскорбился Степа.

– Чтобы судить о чем-либо, необходимы факты.

– Затопленный бункер на опушке не факт? Директорская

«волжана» с отваливающимися бамперами не факт, да?

– Существовала такая империя, Римская, – заговорил отец, обратившийся в черный силуэт на фоне звездного неба в раме окна. – Богатая, могучая, непобедимая. Ее техническое и военное превосходство над соседями было колоссальным. А разрушили ее дикие варвары с дубинами и рогатинами.

– Ты про Америку с Россией? – догадался Степа.

– Я про умение ставить великие цели и способность достигать их всеми доступными средствами. – Отец машинально потряс спичечным коробком, издавшим кастаньетный треск потревоженной гремучей змеи. – Да, бункер затоплен, и не один. Но кое-что осталось. И это кое-что – достаточная гарантия мирного сосуществования. Когда двое громил вооружены одинаково и равны по силам, они, скорее всего, не станут связываться друг с другом. – Подумав, отец уточнил: – *Враг с врагом*, я бы сказал.

– Я так и знал, – хмыкнул Степа. – Вы тут все только прикидываетесь безобидными метеорологами, а на самом деле ядерным оружием занимаетесь, так?

– Нет, – возразил отец, вновь закуривая. Его лицо, освещенное снизу, выглядело очень усталым и немного страшноватым. – Современное геофизическое оружие, – сказал он, – раза в два опаснее атомного и во сто крат выгоднее. Никакой тебе ядерной зимы или радиоактивных зон, куда никогда не ступит нога человека. Осушил затопленные земли – и поль-

зуйся. Уморил население засухой и голодом – и засылай колонистов.

– И никто не поднимает хай? – возмутился Степа.

– Испытания ведутся тайно и с молчаливого согласия всех заинтересованных сторон, – сказал отец, скрючившись на подоконнике. – Внешне соблюдаются условия, оговоренные международными конвенциями. Кроме того, пока что погоду модифицируют локально, на своих территориях. Распыляют реагенты, вызывают дожди, расстреливают тучи из зениток, устраивают искусственные сходы лавин. Но эти опыты безобидны только с точки зрения непросвещенных. – Отец аккуратно погасил окурок. – Пресловутый парниковый эффект порожден людьми, а не климатом. Тайфуны уходят, а последствия остаются.

– Люди могут создавать тайфуны? – не поверил своим ушам Степа.

– Не то чтобы сознательно создавать, но усиливать их, управлять ими – пожалуйста. Это ведь огромная концентрированная энергия. – Отец показал, как лепят снежки или разминают что-то. – Достаточно грамотного приложения дополнительной энергии, чтобы повернуть ураган в нужном направлении.

– А землетрясения?

– Некоторые вызываются подземными взрывами. Это легко вычислить по так называемому эффекту ряби на земной поверхности.

– Значит, цунами в Таиланде...

– Спроси об этом у сейсмологов, – перебил Степу отец. –

Но вряд ли они скажут правду. Промолчат также производители йодистого серебра, свинца, сухого льда и углекислоты, которые ежегодно расширяют производство, чтобы выполнить государственные заказы. Посредством этой химии укрощают всевозможные банановые республики, типа Никарагуа и Гондураса. Месяц тропических ливней, и национальные идеи отступают на задний план. Вернее, тонут в болоте.

– Кому собираетесь устраивать ливни вы? – отчужденно осведомился Степа. Он не спросил «мы». Он инстинктивно открестился от отцовского проекта.

Это было обидно. Это было несправедливо. Отец и так поведал сыну больше, чем позволяла подписка о неразглашении тайны, но полуправды оказалось мало. Вернее, тысячной доли правды. Потому что даже ведущему специалисту Виталию Валентиновичу Верещагину было известно далеко не все.

– Ты имеешь в виду «Суру»? – уточнил он.

– Ага, – подтвердил Степа.

– Дело в том, что мы лишь восстанавливаем справедливость, – осторожно начал отец. – Наверстываем упущенное. Когда-то давным-давно Америка украла у нас всю научно-техническую документацию по проекту «Сура» и воплотила ее на практике. Название, естественно, поменялось. Американцы нарекли установку «Харп», примерно так это

звучит в русской транскрипции. Но суть осталась прежняя.

– Ясный перец! – усмехнулся Степа. – Мы сами намеревались устраивать наводнения и ураганы. Единолично. Без конкурентов.

– Напрасно ты так. «Сура» предназначалась для воздействия на околоземную среду, верно. Но тогда предполагалось, что плазменные образования потребуются исключительно для корректировки спутниковых систем и радиоволн. Никто не ожидал, что американцы разработают десятки способов военного применения установки. – Отец тяжело сполз с подоконника. – Они там у себя здорово преуспели, пока мы тут от кошмаров коммунистического прошлого избавлялись и символы тоталитаризма разрушали. Но сегодня американцы буксуют. Наша «Сура» не просто дубликат их «Харпа», это во многих отношениях усовершенствованная модель. У них современное оборудование, а у нас ультрасовременные программы и нанотехнологии. Противостояние, переходящее в равностояние. Все как в старые добрые времена. – Заложив руки за спину, отец побрел в спальню. – На Западе красивая обертка, а у нас безупречная начинка.

– И что дальше? – спросил Степа шепотом. – Утром рано два барана? Уперлись лбами?

– Есть более точная аналогия.

– Какая?

– Бандит угрожает тебе пистолетом, а ты демонстрируешь ему такой же пистолет, только скорострельный или со сверх-

точной системой наведения.

Поскольку отец не удосужился обернуться, голос его звучал глухо. Про такой говорят: замогильный. Не самый приятный голос для общения в поздний час.

– А дальше? – упрямо повторил Степа.

– Игра на нервах. Либо противники, оценив свои шансы, прячут оружие и расходятся, либо кто-нибудь из них все же нажимает на спусковой крючок.

– Победит тот, кто выстрелит первым.

– Совсем необязательно.

– Обязательно.

– Вестернов насмотрелся? – спросил отец, уже скрывшийся в черноте дверного проема. – Так жизнь не кино.

– Не кино, – согласился Степа, совсем недавно пришедший к такому же выводу. – Но...

– Но утро вечера мудренее, – сказал отец. – Покойной ночи.

Судя по его тону, от утра он не ожидал ничего хорошего. И на спокойную ночь с приятными сновидениями не рассчитывал.

Глава третья

Египет, Каир, район Докки, улица Гиза, 95,

посольство Российской Федерации,

24 мая, ночь

Рядовые сотрудники посольства видели десятки, а может, и сто десятки сны. Советники, посланники, атташе, их многочисленные помощники и секретари – кого только не включало в себя штатное расписание, и большинство этих ответственных государственных мужей и безответственных чиновников предавались заслуженному отдыху в своих постелях. Отсутствовал на рабочем месте также Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Арабской Республике Египет. Не то чтобы он не был в курсе недавних событий, но, по официальной версии, ему не полагалось вникать в подобные вопросы, и он не вникал. *Официально.*

В каминном зале на втором этаже сидели двое мужчин. Камин, разумеется, не горел – огонь в нем разжигали толь-

ко один раз в году тридцать первого декабря, да и то при работающих в максимально холодном режиме кондиционерах. Каир – не то место, где тянет помечтать у огонька. В Каире хочется раздеться догола, принять ледяной душ, а потом еще устроить в помещении сквозняк, чтобы как следует выпасться перед очередным жарким днем. Один из мужчин, кстати говоря, так вчера и поступил, а теперь деликатно шмыгал носом и мысленно ругал себя за то, что не прихватил платок.

Второй мужчина лакомился мороженым, запивая его охлажденным апельсиновым фрешем. Его фамилия была Беликов. Это он подоспел на выручку Наталии Верещагиной и увез ее с места происшествия. В настоящий момент она находилась в специальной комнате для гостей под присмотром охранника и скрытой веб-камеры.

Здание охранялось пятью сотрудниками Управления «К» Службы внешней разведки России. Именно столько насчитали бы их посторонние люди, не допускаемые в секретные помещения. На самом деле парней из СВР было в посольстве семнадцать человек, все вместе они образовывали четыре группы силовой поддержки. Довольно скромное воинство для современного Вавилона, входящего в тройку крупнейших городов мира. Капля в бурлящем море страстей, интриг, измен, террористических угроз, противостояния спецслужб, столкновений интересов большого бизнеса, тайных религиозных войн, азартных политических игр...

В обязанности Управления «К» входило обеспечение лич-

ной безопасности российских дипломатов и охрана закрепленных за ними объектов, но занимались сотрудники управления еще очень многими вещами, знать о которых интересно всем, но не всем обязательно.

Кроме них в Каире присутствовали сотрудники ФСБ и представители Департамента безопасности МИД. Первые отвечали за сохранность государственной тайны, препятствовали внедрению шпионов и подслушивающей аппаратуры в стены посольства, следили за благонадежностью работников российского дипломатического учреждения и их семей. Вторые выполняли координирующие и инспекционные функции, а также ведали техническими средствами защиты общего назначения: бронированными автомобилями, приборами сигнализации, камерами слежения и видеозаписи, системами допуска и контроля, компьютерными сетями. Личное оружие на балансе мидовцев не числилось. А могло ли быть иначе?

Слегка простуженный мужчина, отвергший мороженое и сок из холодильника, порой пользовался незарегистрированным оружием и работал в Службе внешней разведки, хотя среди штатных сотрудников посольства не значился. Он приезжал сюда на заднем сиденье автомобилей с тонированными стеклами и предпринимал подобные путешествия крайне редко. Если бы его спросили о цели визита в Каир, он предъявил бы заграничный гражданский паспорт установленного образца, лицензию на предпринимательскую де-

тельность и файл с реально заключенными российско-египетскими контрактами. Он ни в коем случае не стал бы распространяться на темы, не связанные с торгово-закупочной деятельностью. Контакты с иностранными спецслужбами? Агентурная работа среди местного населения? Переговоры с лидерами террористических группировок? Боже упаси!

Само собой разумеется, что не признался бы этот бизнесмен и в стремлении поближе познакомиться с виновницей переполоха близ ресторана «Аль-Мушараби». Но именно с этой целью он предстал перед Беликовым сегодня.

Тот был прекрасно осведомлен об этом, но не подавал виду. Пребывание в Каире отложило отпечаток на его характер. Подобно прирожденному египтянину, Беликов начинал важные беседы с болтовни на отвлеченные темы, не спеша переходить к главному.

– Нелегкая выдалась неделя, – говорил он, лениво высвобождая шею из галстучной петли. – У главного состоялись две встречи за забором, сам понимаешь. Плюс коллективный турпоход к штатовцам.

Гостю не нужно было объяснять, о чем идет речь. «За забором» – значит за пределами диппредставительства. Любой выезд работника посольства становится для сотрудников внешней контрразведки целой спецоперацией. С помощью местных информаторов необходимо собрать сведения о возможных акциях против дипломатов и определить оперативную обстановку в городе, чтобы заблаговременно

обезопасить маршруты передвижения. Все просчитывается до метра, до секунды, потому что опоздания на официальные приемы недопустимы. Кстати, именно по этой причине правительственным кортежам чинятся всяческие пакости и вставляются палки в колесах. Это как в спорте: игра на нервах. Вывел соперника из себя, глядишь, он промашку даст. А промашки на государственном уровне дорого обходятся.

– В общем, головная боль, переходящая в геморрой, – изрек Беликов и выжидательно умолк.

– Как обычно, – невозмутимо согласился гость.

– Ты уверен, что не хочешь мороженого?

– Абсолютно.

Покончивший с десертом Беликов выглядел разочарованным. Испытывая терпение собеседника, он хотел увидеть признаки возрастающего нетерпения или раздражения, однако их не было. С таким же успехом можно было дразнить робота или британского гвардейца, стоящего на посту у Букингемского дворца.

– Весь Египет – сплошная головная боль с геморроем и радикулитом в придачу, – продолжил философствовать Беликов. – В особенности Каир. В прошлом году сюда вздумалось приехать двоюродной сестре президента. Ей, видите ли, подруги порекомендовали прогуляться по базару Хан-аль-Халили. Мол, там можно по дешевке приобрести ювелирные украшения, посуду, хрусталь, чеканку, бронзовые светильники...

– А что? – рассеянно спросил гость. – Нельзя?

Он придирчиво разглядывал свои ногти, один за другим.

– Можно, – откликнулся Беликов, – конечно, можно. На этом базаре, как в Греции, есть все. И даже сверх того. Торговые ряды тянутся на километры. Улица медников, улица золотых дел мастеров, переулок ткачей, бульвар продавцов специй...

– Представляю, сколько времени потребовалось высокопоставленной кухне, чтобы отвести душу, – вставил гость. – Я отлично знаю здешние базары. И женщин изучил неплохо. Они такие... *несобранные*.

Намек?

Беликов испытывающе посмотрел на собеседника. Тот изучал уже не ногти, а потолок с лепными украшениями, развесистой люстрой. Дает понять, что никуда не спешит? Что ж, решил Беликов, тогда пусть не обижается.

– Мы застряли на улице кожевников, – продолжал он, забрасывая руки за голову и вытягивая ноги. – Всюду лавки, лавки, лавки. И в каждой сумки, сумки, сумки. Ручная работа. У кухни глаза разбегаются. Наконец, останавливает выбор на сумке из змеиной кожи. Продавец зажигалкой чиркает: смотрите, мисс-мадам, ее даже огонь не берет. Скидка пятьдесят процентов, только для вас, клянусь Аллахом. – Беликов довольно удачно изобразил арабский акцент. – Триста долларов, и забирайте.

– Забрали? – Гость отвернулся, скользя взглядом по кар-

тинам на стене.

В основном это были пейзажи с березками, елями и озерами, но одна изображала знаменитого египетского Сфинкса. У Беликова возникло неприятное ощущение, что легче Сфинкса вывести из себя, чем непрошибаемого визави. Его присутствие начинало раздражать. Как и совершенно возмутительная привычка шмыгать носом.

– Нет, конечно, нет, – усмехнулся Беликов. – Сумка, она не машинной строчки, но и мы не лыком шиты. Ведем кузину в соседнюю лавку, а там...

– Точно такая же вещь, – сказал гость, – только в два раза дешевле, я полагаю. Первый продавец рвет на себе волосы. Второй лоснится от удовольствия...

Откуда он все знает? Можно подумать, сам шлялся по рынку, присматривая сумочку своей барышне. Хотя от таких типов подарков не дождешься. Да и постоянных женщин у них не бывает.

Беликов покосился на полотно со Сфинксом и произнес:

– Да, но самое интересное было потом!

– Вы расплатились, забрали покупку, а метров через сто обнаружили дубликат сумки долларов эдак за пятнадцать, – сказал гость, шмыгая носом.

– За двадцать, – возразил Беликов. – Откуда ты знаешь? Неужели ходишь по базарам?

– Пару раз прогулялся, чтобы составить общее впечатление о местных обычаях. На каирские рынки лучше всего яв-

латься без гроша в кармане. То же самое касается полицейских участков. – Гость изменил интонацию. – Обдерут как липку – и глазом не моргнут. Кому-кому, а тебе хорошо известны ухватки каирских полицейских, верно?

А вот это был уже не намек, а четкий сигнал. Пора, мол, переходить к делу. И то верно. Стоит ли тратить время на поддразнивание каменных истуканов?

* * *

– Я не мог забрать Сашу, – посуровел Беликов.

– Понимаю, – кивнул гость. – Если бы мог, то непременно забрал бы.

– Ты говоришь так, словно меня в чем-то обвиняешь!

– Разве?

– Послушай! – Беликов приказал себе не горячиться, но поза его уже была далека от позы вальяжного человека, а жестикация не показалась бы чрезмерной разве что на восточном базаре, о котором он только что рассказывал. – Саша изображал обычного русского туриста, который перебрал спиртного и затеял потасовку на улице. Прояви я к нему излишнее внимание, всплыла бы на поверхность его причастность к посольству. Ты сам спланировал операцию, а теперь ищешь стрелочника.

– Пусть стрелочники занимаются своим делом, а мы – своим, – ответил гость. – Хотя это не всегда получается у нас

профессионально.

При всей своей дипломатичности и обтекаемости фраза нанесла очередной чувствительный укол самолюбию Беликова. Отметив это про себя, он замкнулся.

Между тем гость продолжал:

– Давай взглянем на ЧП возле ресторана глазами посторонних. Полиция, шум, гам. Прибывает сотрудник посольства. Почему-то не задает вопросов, а с ходу берет быка за рога. Нюхом опознает в женщине соотечественницу и увозит ее с места событий. Эффектно. – Гость посмотрел в глаза собеседнику. – Даже чересчур эффектно. Запоминающаяся сцена, достойная Голливуда. Полагаю, наши американские друзья оценили ее по достоинству... Погоди возражать. – Он предостерегающе поднял ладонь. – Сперва дослушай. Трюк с подобранным паспортом частично оправдывает твоё поведение. Но только частично. Обнаружив, что русская туристка замешана в скандале, ты должен был спросить у полицейских, нет ли среди участников инцидента других россиян. Это же так естественно.

– Допустим, – неохотно согласился Беликов. – И что дальше? Мне пришлось бы выкупать Сашу, а это противоречит твоим же инструкциям.

– Отнюдь.

– Но ты сам распорядился оставить его на месте событий!

– Правильно, – подтвердил гость. – Но сделать попытку выручить соотечественника все же следовало. Всего лишь

попытку. Предлагаешь полицейскому небольшую взятку, тот отказывается, ты отступаешь. Нормальный ход событий, не вызывающий подозрений. А ты как себя повел?

– Американцы сами наломали дров, – напомнил Беликов, как в далеком детстве, когда, оправдываясь за свои проказы, начинал вспоминать о чужих грешках.

– Да, выдержки у них не хватило, – сказал гость, бросая взгляд на часы. – Но я бы не удивился, узнав, что сейчас они оправдываются от поражения и анализируют свои просчеты. Первое, что напрашивается на ум, это прощупать Сашу на предмет причастности к разведке. И его прощупают, будь уверен.

– Завтра утром задействуем кое-какие нейтральные каналы и вызовим его из тюрьмы.

– Сомневаюсь.

– Мои личные связи...

– Они ничто в сравнении с рычагами ЦРУ, – перебил Беликова гость. – Американцы опережат нас, если уже не опередили. Сам знаешь, какими эффективными бывают допросы в это время суток. Между *эффективностью* и *эффектностью* существует огромная разница, никогда не задумывался об этом?

На скулах Беликова появились два розовых пятна. Он не был близко знаком с гостем посольства, однако изучил его достаточно хорошо, чтобы осознавать: вежливая форма, в которую облакаются обвинения, не свидетельствует о мяг-

кости характера обвинителя. Сейчас шмыгнет носом и скажет: «Извини, но я буду вынужден составить рапорт о твоих неадекватных действиях, поставивших операцию под угрозу срыва».

И, не дождавшись ответа на свой риторический вопрос, гость действительно заговорил.

– Извини, – произнес он, – но я буду вынужден...

На лице Беликова возникло затравленное и вместе с тем вызывающее выражение. Он впился пальцами в подлокотник.

– ...вынужден, – донеслось до его ушей, – попросить тебя оставить меня наедине с Верещагиной. Мы побеседуем прямо здесь, если не возражаешь.

– Нет, конечно, – воскликнул Беликов.

Избавившись от тяжелого груза ответственности, он немедленно поднялся из кресла. Легкий, как воздушный шарик, и такой же подвижный.

– Минутку, – остановил его гость. – Еще одна просьба.

– Слушаю. – В услужливом наклоне Беликова угадывалось что-то от классической позы официанта.

– У вас тут полным-полно сувениров. Выделишь мне... ну, хотя бы одну из этих ваз.

Проследив за взглядом гостя, Беликов уставился на полку с хрусталем и наморщил лоб.

– Да ради бога, – сказал он, недоумевая. – Вся эта посудная лавка к твоим услугам.

Гость поблагодарил, встал и выбрал массивную вазу в форме нильского лотоса.

– Эта подойдет, – пробормотал он.

– Заберешь ее с собой?

– Нет.

Ограничившись этим коротким ответом, гость поставил вазу на каминную полку, опустился в кресло и, закинув ногу за ногу, выжидательно уставился на Беликова. Издав нервный смешок, тот отправился за Верещагиной.

* * *

Первое, что произнесла Наташа, войдя в комнату, это:

– Долго вы меня еще будете держать взаперти? – Она бесцеремонно швырнула сумку на стол. – Я жутко хочу спать. Уже начало третьего, и...

– В таком случае доброе утро, – сказал мужчина, расположившийся подле камина.

– Доброе, – сбилась с тона Наташа. – Тьфу! *Не доброе, совсем не доброе.*

– А вот это мы сейчас вместе и выясним. Присаживайтесь. Я сотрудник посольства Галатей Максим Григорьевич.

Ему было безразлично, кем представляться, поскольку примерно с двадцатипятилетнего возраста он общался с людьми под вымышленными именами и фамилиями. Теперь мужчине, представившемуся Галатеем, было около сорока,

и он начал забывать, как звали его в прошлом. Иногда чудилось, что вообще никак. Господин Никто. Человек Ниоткуда. Однако, назвавшись таким образом, он рисковал прослыть сумасшедшим. Нет уж, в Галатеях ходить удобнее. При всем при том, что некоторым людям эта фамилия не по нутру.

– Я должна сказать, что мне очень приятно? – фыркнула Наташа, не спеша занять кресло напротив.

– Необязательно, – ответил Галатей. – Я ведь не говорю, что рад знакомству. Сядьте же, прошу вас.

Тут выяснилось, что Наташа стоит подбоченившись не потому, что желает сохранять надменную позу.

– У меня порвано платье, разве не видите? – сообщила она, на секунду отняв руку от бедра.

Против ожидания Галатей даже бровью не повел. Ограничился вежливой репликой:

– Похоже на модный разрез.

Наташа фыркнула:

– Никто с такими разрезами давно не ходит. Тем более в Каире.

– А я и не предлагаю вам ходить, – сказал Галатей. – Я предлагаю вам присесть. Уже в третий раз, если память мне не изменяет.

– *А если изменяет? И если не память?*

Ехидства, затраченного Наташей, хватило бы на то, чтобы взбеленить сразу трех мужиков, а не одного, но то ли Галатей был чересчур самоуверен, то ли у него не было женщины,

неверности которой он опасался. Вздохнув, он молча указал на кресло.

– Мне нужно чем-нибудь прикрыться, – заявила Наташа, озираясь и переступая с ноги на ногу.

– Просто разверните кресло так, чтобы вам было удобно, – прозвучал ответ.

– Вы мне не поможете?

Галатей снова промолчал и, вооружившись кочергой, при- нялся шевелить поленья, сложенные в камине.

Какого черта?! Наташа ясно видела, что камин не топят, топить его было бы изощренным самоубийством при здеш- нем климате. Зачем тогда кочерга? И для чего ворошить бес- полезные деревяшки?

– А вы не очень-то любезны для дипломата, – сказала На- таша, налегая на кресло.

Платье на ней было разодрано снизу чуть ли не до груди. Галатей мельком отметил это и парировал:

– А вы не слишком... – он сделал паузу, подбирая фор- мулировку, – не слишком благоразумны для замужней жен- щины.

Усевшись к нему вполоборота, Наташа дернула плечами:

– Мораль мне будете читать?

– Нет.

Подтверждением сказанному было короткое движение го- ловой. Гладко зачесанные назад волосы Галатея при этом ко- лыхнулись, выдавая нелюбовь владельца к различным гелям.

«Как же он умудряется их укладывать?» – удивилась Наташа и вспомнила киноактеров далекого прошлого, красовавшихся с похожими прическами. Скрывая любопытство, она демонстративно отвернулась и спросила холодно-аристократическим, как ей казалось, тоном:

– Тогда о чем будет разговор?

Галатей не замедлил с ответом:

– О вашем поведении, Наталия Николаевна.

– Ага! Все-таки мораль!

Наташа пренебрежительно выпятила нижнюю губу.

– Ошибаетесь, – сказал Галатей, постукивая кочергой по раскрытой ладони. – Мы не станем обсуждать ваше *прежнее* легкомысленное поведение. Мы побеседуем *о будущем*. – Он едва заметно улыбнулся. – А поскольку, начиная с этой минуты и до истечения срока путевки, вы будете вести себя как настоящая леди, то надобность в каких бы то ни было нравовучениях отпадает сама собой. Согласны?

Ну и завернул!

Наташа повернулась, чтобы хорошенько рассмотреть собеседника. Ей нравился и одновременно не нравился облик того, кого она видела перед собой. Сухощавый мужчина средних лет с правильным, но совершенно невыразительным лицом. Цвет волос точному определению не поддается, глаза тоже, костюм стандартный, туфли добротные и носятся явно не первый сезон. Обратив внимание на сплошную лигатурную подошву, Наташа решила, что в таких шпионских туф-

лях удобно подкрадываться и вообще ходить бесшумно. Но есть и минусы. Отсутствует каблук, в который можно спрятать зашифрованное донесение, миниатюрный передатчик или отравленный стилет.

Наташа едва удержалась от иронического смешка. «Какая-нибудь мелкая сошка из спецслужб, – решила она, – в майорском звании, но при капитанской должности. Если застал времена КГБ, то будет стращать и заставлять сексотничать. Однако склонять к сожительству такой мужчина вряд ли станет. Не похож на поклонника слабого пола. Одиноким холостяк с массой комплексов и тщательно скрываемых вредных привычек. Если он действительно принадлежит к тайному ордену рыцарей плаща и кинжала, то, наверное, сожалеет, что прошла мода на черные очки, поднятые воротники и шляпы с широкими полями. Без этих аксессуаров трудно соответствовать классическому образу тайного агента. В особенности, если под рукой нет платка, а из носа вот-вот потечет».

Словно прочитав ее мысли, Галатей встал, отыскал в ящике серванта салфетку, высморкался в нее, скомкал и швырнул в холодный зев камина.

– Согласны или нет? – спросил он, вновь усаживаясь в кресло.

– У вас насморк? – спросила Наташа с ханжеским участием. Подобно всем женщинам, она, не зная, как отвечать, предпочитала задавать встречные вопросы.

Галатей и глазом не моргнул.

– Пустяки, – сказал он. – Пусть вас не тревожит мое здоровье.

– Глаза у вас как у кролика и голос гнусавый, – продолжала ерничать Наташа. – Одолжить носовой платок?

– Вы потеряли платок, когда размахивали сумкой возле «Аль-Мушараби», – невозмутимо произнес Галатей. – Заодно с некоторыми другими предметами туалета.

Он не переступил границу приличий, но Наташа вспыхнула. Ей и без напоминаний было известно, что и где она потеряла. Представив себе, что думает о ней сидящий в двух шагах мужчина, она покраснела еще сильнее и грубо сказала:

– Не суйте свой простуженный нос куда не следует.

– Я далек от подобного желания, – парировал Галатей. – И вообще копать в чужом грязном белье не в моих правилах.

Заявление было равнозначно пощечине. Стиснув ноги и зубы, Наташа процедила:

– Во-первых, мое белье чистое. Во-вторых, оно вас не касается.

– И слава богу, – отчеканил Галатей. – Поэтому предлагаю сменить тему.

– Я требую, чтобы меня отпустили в гостиницу! – заявила Наташа.

– Вас не только отпустят, но и отвезут. Отныне вы будете находиться под постоянным надзором наших людей.

– С какой стати?

– Чтобы впредь не повторялись ошибки, допущенные сегодня. – Галатей почесал кочергой голень. – Чтобы избежать щекотливых ситуаций и сомнительных авантюр. И чтобы вам не приходилось врать и изворачиваться по возвращении домой.

– Не лезьте в мою личную жизнь! – закричала Наташа, молодея от злости, но нисколько не хорошея от нее. – Что хочу, то и делаю, ясно? Я давно совершеннолетняя, понятно? Я взрослая самостоятельная женщина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.